

Кэтрин
Сэнтер

The New York Times bestseller

УХОДИ
И БУДЬ
СЧАСТЛИВА

Всего одна
секунда способна
перевернуть жизнь

Кэтрин Сэнтер
Уходи и будь счастлива

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сэнтер К.

Уходи и будь счастлива / К. Сэнтер — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098648-4

Сердце Маргарет всегда уходило в пятки при одной только мысли о самолетах. На удивление, притупить этот страх ей помогло средство «от противного». В день своей помолвки Маргарет попала в авиакатастрофу на частном самолете. Ей удалось сохранить жизнь, но все вокруг нее стремительно изменилось. Жених оказался слабаком, а в семье начались размолвки. Вдобавок ко всему тренер Маргарет по реабилитации, Ян, оказался самым недружелюбным мужчиной на свете. А ведь она вынуждена проводить с ним каждый день! Но Маргарет готова преодолеть трудности. И словно в благодарность, судьба посылает ей человека, который становится для нее настоящим ангелом-хранителем.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-098648-4

© Сэнтер К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кэтрин Сэнтер

Уходи и будь счастлива

© Болятко О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Ирония судьбы заключалась в том, что я всегда боялась летать.

Всегда. С того момента, как достаточно повзрослела, чтобы думать об этом.

Это казалось мне противоречащим здравому смыслу. И даже немного самонадеянным. Зачем стремиться вверх, когда сила притяжения явно хочет оставить нас на земле?

Когда я училась в колледже, родители как-то решили отправиться со мной и моей старшей сестрой Китти на Гавайи. Я боялась полета с той минуты, когда они сообщили нам об этом, до самого нашего возвращения домой. Выражение «лететь на Гавайи» мне казалось эквивалентным выражению «утонуть в океане». За неделю до поездки я уже начала планировать стратегию выживания. Как-то ночью, когда все легли спать, я пробралась в комнату Китти и залезла к ней в кровать.

Я училась на первом курсе, а она уже заканчивала колледж, поэтому я очень дорожила ее мнением.

– Каков будет план? – решительно спросила я.

Она лежала, зарывшись лицом в подушку.

– План чего?

– Когда самолет упадет.

Сестра открыла один глаз:

– Упадет куда?

– В океан. По пути на Гавайи.

Она секунду смотрела мне в глаза.

– Этого не случится.

– У меня плохое предчувствие, – сказала я.

– Ты нас сглазишь.

– Я серьезно. Нам нужно выработать стратегию выживания.

Китти протянула руку и потрепала мою челку:

– Стратегии выживания не существует.

– Должна существовать.

– Нет. – Она покачала головой. – Потому что, если мы не упадем, нам она не нужна. А если упадем... – Она сделала паузу, чтобы я сама могла домыслить ее фразу.

– Нам она уже не будет нужна?

Китти кивнула:

– Мы просто будем мертвыми. – И она щелкнула пальцами.

– Тебе это кажется таким простым?

– Умереть просто. Тяжело не умирать.

– Похоже, в этом что-то есть.

Она закрыла глаза.

– Конечно, ведь это я мозговой центр семьи.

– Я думала, что это я мозговой центр, – сказала я, слегка подталкивая ее локтем.

Сестра перевернулась на другой бок.

– Ты сама знаешь, что ты наша красавица.

Невероятно, но мы пережили эту поездку.

Точно так же невероятно я пережила после этого много других перелетов, никогда не сталкиваясь ни с чем более опасным, чем турбулентность. Я читала статистику о том, что самолеты – самый безопасный вид транспорта, безопаснее автомобилей, поездов и гондол. Я даже как-то проходила стажировку в офисе, расположенном прямо рядом с международным аэро-

портом, и наблюдала целый день за тем, как безо всяких проблем взлетают и садятся самолеты. Я была должна давно забыть свои страхи.

Но меня никогда не покидало чувство, что слова «лететь» и «разбиться» были в некотором роде синонимами.

Теперь, спустя годы, я встречалась – с самыми серьезными намерениями – с парнем, который со дня на день должен был получить лицензию пилота. Наши отношения были настолько серьезными, что в эту конкретную субботу, когда мы собирались отпраздновать мое почти официальное поступление на работу моей мечты, я не могла отделаться от предчувствия, что мне сделают предложение. В любую минуту.

Именно поэтому я надела летнее черное платье с открытыми плечами.

Если бы я задумалась над этим, я могла бы усомниться, что мой бойфренд, невероятно подтянутый и очаровательный Чарльз Филипп Данбар, сможет быть идеальным спутником во всех отношениях, учитывая, каким энтузиастом авиалетов он был. Чип никогда не задумывался над опасностью полетов – или вообще над опасностью делать что-нибудь рискованное, например, плавать с аквалангом или прыгать с тарзанкой. У него была неистребимая вера в упорядоченность вселенной и непоколебимость принципов физики, равно как и в право человека изменять эти принципы по своему желанию.

Что касается меня, я всегда подозревала, что хаос сильнее порядка. Когда дело доходило до противостояния Человека и Природы, я всегда ставила на Природу.

– Ты просто мало уделяла внимания естественным наукам, – всегда говорил Чип, словно я была просто недоучкой.

Его замечание было вполне справедливо. Но это не значило, что я была не права.

Чип верил, что, если он научится летать, это избавит меня от моих страхов. Он верил, что я настолько вдохновлюсь его примером, что мне не останется ничего иного, кроме как расслабиться и получать удовольствие.

По этому вопросу мы договорились иметь разное мнение.

– Я никогда, никогда не полечу с тобой, – объявила я перед его первым уроком.

– Это ты сейчас так думаешь. Но придет день, когда ты станешь умолять меня взять тебя с собой.

Я отрицательно покачала головой:

– Ни за что.

– Поживем – увидим.

Теперь он был почти сертифицированным пилотом. Он уже сдал самостоятельный и маршрутный полеты. Он налетал вдвое больше часов, чем требовалось, чтобы основательно подготовиться. И что осталось? Контрольное испытание, во время которого опытный пилот полетит с ним и будет создавать «стрессовые ситуации».

– Не говори мне какие, – заявила я.

Но он все равно рассказал:

– Например, он специально заглушит мотор, и мне нужно будет с этим справиться, – объяснил он, весьма довольный перспективой продемонстрировать свое умение. – Или совершить посадку на короткую полосу, где заведомо мало места. И, конечно, ночной полет.

Контрольное испытание было назначено на следующую неделю. С ним все будет в порядке. Чип был из тех людей, которые становятся только спокойнее, когда все идет кувырком. Из него выйдет отличный пилот. И я буду совершенно спокойна, когда он станет летать, сколько ему захочется. Но один.

Но прежде всего мы собирались обручиться, по крайней мере, я на это надеялась – в День святого Валентина.

Я не могу сказать, откуда я это знала. Я просто чувствовала это весь день, как предчувствуешь, что пойдет дождь. К тому моменту, когда я усаживалась в его джип, я уже была уверена.

Я знала Чипа очень давно. Мы встречались с ним уже три года. Я знала каждое выражение его лица и каждый изгиб его тела. Я знала, когда он делает вид, что ему смешно, или когда он врет. Я могла сказать в ту же секунду, понравился ему человек или нет. И я, безусловно, знала, когда он что-то скрывает – особенно то, что его волнует. И хотя это свидание было в точности таким же, как и все остальные, я знала, что должно произойти что-то очень важное.

Я полагала, что он везет нас в итальянский ресторан, украшенный разноцветными огоньками, где проходило наше первое свидание. Но, вместо того чтобы направиться в центр города, он повернул в сторону скоростной автострады и помчался вперед.

Крыша джипа была открыта, и я ухватилась руками за свои волосы.

– Куда мы едем? – прокричала я.

– Это сюрприз! – крикнул он в ответ.

Мое сердце ушло в пятки. Как и всегда, я догадалась о его намерениях даже без намека с его стороны. Это было настоящей проблемой для нас. Я слишком хорошо его знала. Он не вез меня ужинать. Он вез меня в аэропорт.

Спустя двадцать минут мы оставили Хьюстон далеко позади. Он затормозил у ангара на частном аэродроме посреди чистого поля.

Я огляделась вокруг.

– Ты это серьезно?

Он наклонился ко мне:

– Ты удивлена?

– И да, и нет.

– Просто притворись. Я хочу удивить тебя хотя бы раз.

– Отлично. Я шокирована. Я потрясена.

– Не нужно притворяться так сильно.

Он подошел ко мне, взял меня за руку и, трусливо пригнувшись, потянул за собой вдоль ангара.

Я шла за ним в состоянии когнитивного диссонанса – отлично зная, что он делает, и в то же время уверяя себя, что он не может так поступить.

– Ты собираешься тайком затащить меня туда? – прошептала я.

– Все отлично. Мой друг Дилан сделал это на прошлой неделе со своей подружкой.

Я попыталась отнять у него свою руку:

– Чип, я не могу!

– Конечно, можешь!

– Это – противозаконно?

– Я просто хочу показать тебе свой самолет.

– Это не твой самолет, приятель.

– Ну, почти.

Я не имела ни малейшего желания видеть его самолет. Ни малейшего. Меня интересовали вино, закуски и свечи. Я почти что получила работу своей мечты! Я хотела праздновать. Я была в настроении чувствовать себя прекрасно, а не ужасно.

– А мы не можем просто поехать поужинать?

Он посмотрел по сторонам, потом повернулся ко мне:

– Любой может поехать поужинать.

– Я не против быть этим «любимым».

– А я против.

Потом, убедившись, что путь свободен, он затащил меня в ангар и остановился около маленькой «Сессны». Она выглядела как самолет из мультфильма – крылья вверху, туловище внизу и маленький пропеллер на носу. При этом она весьма патриотично была раскрашена красными, белыми и синими полосами.

– Симпатичная, – сказала я, кивнув. *Отлично. Мы закончили.*

Но он взял меня за плечи и направил в сторону кабины.

Я отступила на шаг:

– Что ты делаешь?

– Давай прокатимся.

– Я боюсь летать. Забыл?

– Пора покончить с этим.

– Меня вырвет. Мне станет плохо.

– Нет, со мной не станет.

– Это относится не к тебе. Это относится к полетам.

– Тебе просто нужен правильный пилот.

Я затрясла головой, отчасти от неверия в происходящее, отчасти в знак отказа.

– Ты даже не сертифицирован.

– Я почти сертифицирован. Я сделал все, что полагается.

– Кроме контрольного испытания.

– Но контрольное испытание проводится для того, чтобы показать то, что ты *уже знаешь*.

– Чип? *Нет.*

– Маргарет? *Да.* И прямо сейчас, пока нас не застучали.

Я почти физически ощущала его настойчивость, как ощущаешь сильный ветер, с которым нужно бороться. Он хотел сделать это. Он хотел, чтобы я сделала это – показала веру в него, в его умение. Это было не совсем проверкой, но это было тем, перед чем я могла спасовать.

Я не была человеком, который перед чем-либо пасовал.

Я была человеком, который *справлялся* со всем.

Настал важный момент. Словно это была проверка моей храбрости, и доверия, и готовности к приключениям – словно это должно было показать что-то главное во мне, кто я такая и как буду жить оставшуюся жизнь. Отказаться лететь сейчас внезапно стало означать, что я навсегда отказываюсь от всех дальнейших возможностей. Хотела ли я стать человеком, который может позволить минимальному статистическому риску подорвать его смелость? Было ли это вызовом, с которым я не смогла бы справиться? Собиралась ли я позволить страху сделать меня *жалкой*?

Я не была уверена, что у меня есть выбор. Чип был Чипом. Он был моим идеальным мужчиной, и я так считала с того момента, как его родители поселились рядом с моими, когда мы оба учились в колледже. Наши матери стали лучшими подругами и пили вино и сплетничали, сидя во внутреннем дворике. Но я видела его только на каникулах. Летом его отец заставлял сына стричь газон, и я обычно стояла у окна и наблюдала за ним. Однажды мама уговорила меня отнести Чипу бутылку воды, и он проглотил все содержимое залпом. Я до сих пор помню это.

Но на самом деле я едва знала его, пока случайно мы не оказались в одной бизнес-школе в Остине. Я была руководителем студенческой научной группы, и он работал под моим началом, что шло ему на пользу.

И тогда мы влюбились друг в друга.

Я вышла бы за него замуж в первый же вечер, когда мы поцеловались. Он был именно таким парнем. Высоким, чисто выбритым, светловолосым, типичным американцем. А еще успешным и уверенным в себе. Просто мечта. Люди всегда делали то, что он хотел. Я чувство-

вала себя счастливицей рядом с ним, и я писала на бумажке «Маргарет Данбар» чаще, чем хотела бы признаться в этом. Однажды я перебрала в Гугле все породы собак в поисках нашего будущего питомца. А как-то вечером, когда я для кого-то делала покупки в интернет-магазине стройматериалов, я набрала в поиске «деревянные заборные планки». Просто чтобы посмотреть, сколько они стоят.

И вот теперь мы закончили бизнес-школу, получив новенькие дипломы MBA, и готовились приступить к нашей новой работе. Через друга своего отца Чип нашел себе работу бизнес-аналитика в инвестиционном банке, а я собиралась работать менеджером по развитию бизнеса в нефтегазовой компании под названием «Симтекс петролеум». Его работа была хорошей, но моя намного круче, и я всегда думала, что с его стороны было очень благородно и мило так радоваться моему успеху.

По правде говоря, я была не слишком подходящим кандидатом на эту должность. Им требовался человек с пятилетним опытом работы в этой области и опытом ведения международных контрактов, которого у меня не было. Но мой научный руководитель готов был пойти на риск ради меня и попросил своего друга написать потрясающее рекомендательное письмо. Там говорилось, что я «энергична, прозорлива, умею решать проблемы, прекрасно общаюсь с людьми, отлично работаю в команде и обладаю острым чутьем в области бизнеса и финансов».

Когда мой руководитель показал мне описание этой вакансии, я рассмеялась:

– Я даже близко не гожусь для этой работы.

– Люди постоянно получают работу, для которой они не подходят.

Я стала читать объявление внимательнее.

– Они же хотят «стратегически мыслящего в логистических операциях специалиста».

– Ты справишься.

– Я боюсь.

– Теперь ты рассуждаешь, как девчонка.

– Я и есть девчонка.

– Нам нужно исправить это.

Я с удивлением посмотрела на него.

– Когда пойдешь на собеседование, притворись мужчиной.

Я закрыла глаза.

– Притвориться мужчиной.

– Крутым мужиком, – подтвердил он. – Парнем, который не только подходит на эту работу, но может сделать гораздо больше.

Я покачала головой.

– Квалификации бледнеют перед лицом уверенности, – сказал он.

– Как скажете, – сдалась я.

Хотя я не верила в это ни секунды. В тот день я отправилась на собеседование, готовая к тому, что меня со смехом выставят из комнаты. Но я делала все, что он мне сказал. Я притворилась, как могла, хотя бы для того, чтобы доказать своему наставнику, что он ошибается.

А потом мне предложили эту работу. То есть, по крайней мере, когда их кадровик провожал меня до выхода, он тронул меня за плечо и сказал:

– Это еще не официально, но вы приняты.

Мое начальное жалованье должно было быть на пятьдесят тысяч больше, чем у Чипа, но моя мама посоветовала мне не говорить ему этого. Важным было другое: мы начинали жить самостоятельно. Все вставало на свои места.

И здесь, на аэродроме, я не хотела ничего испортить.

Чип сжал мои руки:

– Ты доверяешь мне, правда?

– Да.

Вроде бы.

И тогда он поцеловал меня – мужественным, решительным поцелуем, как бы говорящим: «Это все может стать твоим». Он проник языком в мой рот, явно считая этот жест сильнодействующим и эротичным, чего я не почувствовала, учитывая, что полнейший ужас от того, что я собиралась сделать, заморозил мою кровь.

Потом он похлопал меня по ягодицам и сказал:

– Залезай внутрь.

Что я могла сказать? Я подчинилась.

Но уверяю вас, мои руки были холодными, как лед.

Пока я пристегивала ремни безопасности, я решительно сказала себе: ты поступаешь правильно. Разве не в этом, в конечном счете, заключается любовь? Говорить *да* не только тогда, когда это легко, но и когда это трудно?

Конечно, любой психоаналитик, стоящий своего диплома, легко привел бы контраргумент – что следует доверять своей интуиции и не нужно позволять Чипу заставлять меня делать то, чего мне делать не хочется. Что отсутствие реакции при виде моего явного дискомфорта в угоду своему желанию показать себя суперменом не является хорошим предзнаменованием с точки зрения долгосрочных перспектив.

Но я была не у психоаналитика.

Я собиралась летать.

Потом он уселся рядом со мной, пристегнулся и протянул мне черные наушники. Я чувствовала то же, что ощущаешь, когда оказываешься на американских горках и захлопываешь дверцу.

Чип моментально вошел в роль пилота. Он надел солнцезащитные очки и пристроил микрофон близко к губам, почти касаясь его. А потом начал переговоры с диспетчерской вышкой на языке настолько специфичном, что его слова со стороны казались абракадаброй:

– Форт Бенд, диспетчерское разрешение на полет по маршруту – Сессна три два шесть танго дельта Чарли с информацией Джульетта – ВФР до Техас Сити крейсерский три тысячи триста.

Мне казалось, что он просто притворяется. Ну кто так разговаривает? Но диспетчерская вышка была со мной не согласна. В наушниках затрещало, и я услышала ответ:

– Сессна три два шесть танго дельта Чарли – Форт Бенд дает разрешение – два три один четыре частота вылета один два ноль точка девять.

Вот черт! Это происходило по-настоящему!

Чип проверил приборы, пробежавшись по ним глазами, как настоящий профессионал. Он выглядел расслабленным. Уверенным. Надежным. Настоящим мачо. И, черт возьми, да – совершенно спокойным.

– Я уже проверил маршрут – дважды – перед тем, как захватить за тобой, – сказал он. В наушниках его голос потрескивал, но он взял мою руку и крепко сжал. – Не хотел давать тебе время передумать.

Умно.

Но к этому моменту я уже была согласна на все. Я сделала выбор. К худу ли, к добру ли, как говорится.

А Чип переключил свое внимание на более важные вещи.

Все еще в стиле секси-пилота, он заговорил в микрофон и передал еще одно несурзное сообщение диспетчерской вышке, как я поняла, пояснив, что мы ждем взлетную полосу. Я до этих пор ни разу не бывала в кабине самолета, а этот самолет целиком состоял из кабины. Формально, позади нас было еще два сиденья, но мне казалось, что мы находимся в спичечном коробке.

Прежде чем мы могли взлететь, должен был сесть другой самолет, и я принялась изучать приборную доску с ее переключателями, циферблатами и всякими измерительными инструментами. Я указала на нее:

– Разве она расположена не слишком высоко?

Она была выше моей головы. Я едва могла что-либо видеть поверх нее.

Он кивнул.

– Это не то же самое, что водить машину, – пояснил он. – Там ты ориентируешься на то, что видишь. В полете опираешься на показания приборов.

– Ты не смотришь в лобовое окно?

– Смотрю, но столько же времени я наблюдаю за приборами. Получается, половину времени смотришь, половину что-нибудь вычисляешь.

Другой самолет коснулся земли, замедлился и прокатился мимо нас. «Вот видишь? – сказала я себе. – Они выжили». Наш мотор взревел, Чип снова что-то сообщил по радио и начал работать педалями, чтобы вывести нас на нужную позицию. Крылья пропеллера завертелись так быстро, что исчезли из виду. Самолет начал вибрировать и гудеть. Я села на свои холодные ладони, чтобы не сжимать их в кулаки.

– Пожалуйста, не делай каких-нибудь петель или чего-нибудь в этом роде, – попросила я.

Он взглянул на меня:

– Петель?

– Штопоров или переворотов через крыло. Или чего-нибудь еще. Какую-нибудь показуху.

– С тобой мне не нужна показуха, – сказал он.

– Безусловно.

– Ты и так знаешь, какой я потрясающий.

Я кивнула:

– Да. К тому же меня может стошнить.

Мы набрали скорость и помчались вперед. Когда мы оторвались от земли, я решила, что это не сильно отличается от обычного полета на большом самолете. Трясло немножко больше обычного. И капельку раскачивало.

Земля проплывала под нами. Так просто.

Чип был сосредоточен и спокоен, и было странно думать, что он всем этим управляет. Когда мы поднялись в воздух, он стал комментировать все, что делает, словно давая мне урок. Он рассказал, что «Сессна-172» был самым популярным самолетом из всех когда-либо построенных. Классика. Мы будем лететь на высоте 3000 футов¹ со скоростью 125 миль² в час, набирая скорость по мере того, как воздух становится разреженнее, чтобы не заглохнуть. Нужно осматривать небо, чтобы не столкнуться с другим самолетом, и смотреть на радар, чтобы не напороться на вышку или башню.

Но я заволновалась, когда он упомянул, что горючее находится в крыльях.

– Это кажется мне неудачным инженерным решением, – сказала я. – Что, если крыло отвалится? Ты будешь весь залит горячим.

– Крылья не отваливаются, – заверил меня Чип. – Этого просто не бывает.

– Ну а вдруг?

– Если они отвалятся, у тебя будет гораздо большая проблема, чем утечка горючего.

Я сложила руки на коленях и специально их расслабила, чтобы не казалось, будто я сцепила пальцы как можно сильнее.

Самолет был очень шумным, наушники потрескивали, и машина вибрировала сильнее в воздухе, чем на земле, особенно когда мы пролетали под тучами. Чип объяснил, что тучи

---

¹ 1 фут равен 30,48 см.

² 1 миля равна 1,6093 км.

на самом деле сидят на столбах поднимающегося воздуха, и, когда ты проходишь сквозь эти столбы, случается турбулентность. Я никогда раньше не думала о том, что тучи на чем-то сидят – они просто плавают, – но когда он мне все объяснил, это показалось мне не лишенным здравого смысла. Чем больше он мне рассказывал, тем в большей безопасности я себя чувствовала.

Он улыбнулся мне:

– Потрясно, да?

В некотором роде.

– Потрясно.

– Все еще боишься?

Да.

– Нет.

– Рада, что согласилась?

– Я буду еще больше радоваться, когда мы снова окажемся на земле.

– Я знал, что тебе понравится. Я знал, то ты можешь быть смелой, если постараться.

Такой странный комплимент, как будто он не видел меня смелой и до этого. Словно моя способность проявить смелость была под сомнением.

Но я и в самом деле почувствовала себя смелее, когда мы поднялись над землей и под нами она стала казаться мозаичной картой.

Помнится, в тот момент я подумала: «Самое страшное уже позади».

Чуть позже возделанные поля под нами сменились заливами и устьями рек, и я догадалась, что мы летим к побережью.

– Куда мы направляемся? – спросила я.

– Я хочу показать тебе кое-что, – ответил Чип. – А потом мы развернемся и полетим домой.

И тут впереди я увидела воду. Под нами показался остров Галверстон, и несколько минут спустя мы уже приближались к его дальнему берегу. Впереди ничего не было, кроме сверкающего на солнце Мексиканского залива.

Чип направил самолет к суше, немного снизился и полетел параллельно краю песка. Я могла видеть дома и маленькие машинки под нами. Мы снизились еще немного. Я стала наблюдать, как волны набегают на песок.

– Внимательно смотри на берег, – сказал Чип, опускаясь еще ниже.

Я уставилась в окно. Песок, люди, волны. Так забавно было очутиться здесь так быстро. Автомобилю для этого требовался целый час.

Спустя несколько минут Чип сказал:

– Здесь! – и указал на что-то рукой.

Я посмотрела в ту сторону:

– Где?

– Ты можешь это прочесть? – спросил Чип.

– Прочитать что?

Он посмотрел вниз в боковое окно:

– Черт! Мы летим слишком высоко.

Но когда мы чуть снизились, башни на радарх покраснели.

Чип повернулся ко мне и крикнул:

– Там на песке есть надпись.

Я ничего не видела.

– Что там написано?

– «Выходи за меня замуж!»

Я не видела никакой надписи на песке.

– Правда?

– Я видел это вчера в новостях. Парень написал это десятифутовыми буквами из ракушек для своей подружки.

– Здорово, – сказала я так, словно меня это интересовало чисто эмпирически.

– Похоже, прилив смысл надпись.

– Надо полагать.

– Я очень хотел, чтобы ты увидела ее.

– Правда?

– Правда. – Он взглянул на меня. – Потому что я хотел сказать тебе то же самое.

Одно дело – ожидать чего-то, или мечтать об этом, или надеяться, и совсем другое – пережить сам момент исполнения мечты. Я приложила руку к губам и прижалась лбом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть берег.

– И есть еще кое-что. Открой отделение для перчаток.

И действительно, прямо передо мной был маленький ящичек. Внутри я обнаружила изумрудно-зеленый бархатный футляр для кольца.

Я так надеялась на это, что заставила себя сесть в самолет. Иногда стоит пойти на ужасающий риск. Я повернулась к Чипу:

– Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

Его голос что-то проскрипел в наушники. Но я знала, что ответ был положительным.

И я ответила:

– Да!

– Ты даже не открыла футляр.

– Мне не нужно этого делать. Просто да!

Чип повернулся ко мне и широко улыбнулся, продемонстрировав безупречные зубы. Я увидела свое отражение в его очках, и мои волосы были в жутком беспорядке. Я с трудом подавила желание поправить их. Я также подавила желание перелезть к нему и поцеловать его. Казалось странным не поцеловаться в такой момент, но ничто не могло бы заставить меня отстегнуть ремни безопасности. К тому же я даже не помнила, как это делать.

Вместо этого я показала одобрителный жест, подняв над собой два больших пальца.

– Это не будет официальной помолвкой, пока ты не наденешь кольцо.

Я открыла футляр и увидела очень изящное золотое кольцо с бриллиантом.

– Это принадлежало моей бабушке, – сказал Чип. – Мне пришлось побороться за него с моей сестрой.

Я вынула кольцо и надела на палец. Оно было немного велико. На самом деле, сильно велико, так что, когда я вытянула перед собой руку, чтобы полюбоваться им, бриллиант соскользнул вниз.

– Оно идеально, – сказала я.

– Тебе нравится?

– Да! – ответила я. Не в моем стиле, но какое это имело значение?

– Ты удивлена?

И да, и нет. Я кивнула:

– Да.

– Ты рада, что полетела со мной?

– Очень, – ответила я. И этот ответ был на сто процентов правдой.

По крайней мере, в тот момент.

Назад до аэропорта было двадцать минут лету, и мы провели это время, воодушевленно обсуждая предстоящую свадьбу.

Мы договорились, что церемония пройдет на том самом берегу, а потом начали обсуждать список подружек невесты и шаферов жениха. Выбор был очевидным – его брат и луч-

шие друзья Вуди, Статлер и Мерфи, и еще школьный друг Харрис. Но потом, конечно, возник вопрос, который вызвал у нас некоторые затруднения. Что делать с моей сестрой Китти?

Я не видела ее три года и не разговаривала с ней. Это было ее решение.

– Ты все равно должна пригласить ее, – сказал Чип.

Но я не была уверена, что мне этого хочется. Когда Китти уезжала, она объявила, что хочет «свободно вздохнуть» вдали от семьи. Она сказала, что будет оставаться на связи. Но после этого просто исчезла.

Мы знали, что сестра жива. Наш папа иногда связывался с ней и мог удостовериться, что она живет в Нью-Йорке, жива и здорова, и попросту не желает, по неизвестной нам причине, возвращаться домой. Даже просто с визитом.

Сначала это было нелегко, потерять ее вот так – быть *отвергнутыми* ею. Но теперь, после всего этого времени, я уже ничего к ней не испытывала. Она меня не любит? Отлично. Я тоже не буду ее любить. Она хочет притвориться, что ее семьи не существует? Нет проблем. Мы можем ответить ей тем же.

Чип считал, что мы должны, по крайней мере, хотя бы пригласить ее на свадьбу. Пусть и не в качестве подружки невесты. Но я была не согласна.

– Во-первых, – сказала я, – она попросту не приедет. А во-вторых, если она и приедет, это все испортит.

– Этого ты не можешь знать.

– Одно присутствие Китти испортит мне праздник. Чувство неприязни при виде нее погубит для меня всю радость этого дня. Вместо того чтобы с нетерпением ждать самого счастливого дня в моей жизни, я буду бояться его приближения. И все из-за нее.

– Может быть, вам стоит встретиться заранее и покончить с этой неприязнью, – сказал Чип.

Но я была не в настроении прислушиваться к разумным предложениям.

– Даже, – продолжила я, – если мне удастся преодолеть неприязнь к ней, ее присутствие будет означать, что *она будет там*. И с вероятностью в девяносто процентов она напьется и залезет в чашу с пуншем. Или напьется и укусит шафера. Или напьется и схватит микрофон, чтобы спеть.

Чип кивнул. Я не выдвигала беспочвенных гипотез. Китти проделывала все эти вещи в прошлом. Он пожал плечами:

– Но она твоя единственная сестра.

– Это не моя вина.

– Ее отсутствие будет выглядеть странным.

– Я не виновата в том, что мы с ней больше не близки.

– С этим я не спорю.

– Это *она* создала такую ситуацию.

– Согласен.

– А теперь она может испортить единственную свадьбу, которая у меня будет.

Вот черт! Я устрою самую замечательную свадьбу в мире, а единственным результатом будет то, что моя пьяная сестра, паршивая овца нашей семьи, попытается сесть верхом на ледяную скульптуру.

Если она соблаговолит приехать.

На самом деле, это в точности отображало ситуацию между нами. Я всегда старалась сделать все исключительно правильно, а она всегда была твердо настроена поступить наоборот.

Впереди показался аэродром.

Чип сказал, что лучше всего ему удастся приземление. У него к этому был талант, вроде его дара к параллельной парковке.

Но небо впереди было угрожающе темным.

– Это неожиданность, – сказал Чип, глядя перед собой.

– А разве обещали дождь?

– Нет, в последний раз, когда я проверял это, дождя не предвиделось.

– Но ведь и в дождь можно летать, разве нет?

– Не совсем. Его стараются обойти. Или подождать, пока он закончится.

– Меня устроит любое из этих решений, – сказала я. С этим кольцом на руке я была очень покладистой.

– Проблема в том, – признался Чип, – что нам лучше приземлиться как можно раньше.

– Чтобы не опоздать на торжественный ужин, который ты заказал?

– Чтобы у нас не закончилось горючее.

Я внимательно осмотрела горизонт. Небо позади нас было ярко-голубым, но впереди оно было все более и более серым. И немного пурпурным. С небольшими угольно-черными участками.

– Там действительно идет дождь. Но не в районе аэропорта, правда?

Он кивнул:

– Правда.

На горизонте сверкнула молния.

Может быть, гроза как-то повлияла на воздух, потому что нас начало здорово трясти, и очень скоро меня затошнило.

Когда мы приблизились к аэропорту, Чип передал наши координаты своим официально пилотским голосом, который был чуть ниже, чем в обычной жизни, а потом начал маневрировать, заходя на посадку. Мы свернули чуть влево и полетели вдоль взлетной полосы, а потом развернулись, чтобы опуститься на нее. Чип был предельно сосредоточен. Я скорее чувствовала, чем видела, приближение земли. И это была приятная мысль.

И тут произошла странная вещь. Когда мы были уже совсем близко от взлетной полосы, крылья проделали что-то, что я могу описать только как взмах. Они немного накренились и тут же выпрямились. Меня пронзил страх.

Все произошло в одну секунду, но эта секунда все изменила. Что-то было не так.

Я посмотрела на Чипа. Его лицо сделалось каменным.

– Чип? – спросила я.

– Ветер переменялся, – ответил он.

– Что? – спросила я. – Это плохо?

– Теперь он боковой, – были его единственные слова.

Боковой? Что такое боковой? Звучало не слишком хорошо. Чип смотрел на приборы и работал педалями. Его лицо было непроницаемым.

Он держал самолет достаточно устойчиво. Я притихла, молясь о том, чтобы нам хоть немного повезло.

Мы уже были в двадцати футах от полосы, которая тянулась прямо перед нами. А потом неожиданно бетонная дорожка скользнула вбок. Сначала она была под нами, а потом выскочила из-под нас, словно кто-то неудачно попытался проделать трюк со скатертью. И вместо полосы перед нами была небольшая роща.

– Вот дерьмо! – воскликнул Чип, крепче ухватившись за штурвал.

Он ухитрился снова вернуть нас на позицию над полосой.

– Чип?

Но он начал переговоры с диспетчерской вышкой:

– Сессна три два шесть танго дельта Чарли. Не удалось приземлиться, сильный боковой ветер, – а потом его пилотский голос, похоже, отказал ему, и он перешел на нормальную человеческую речь: – Попробую попытаться еще раз.

Наушники затрещали:

– Роджер Сессна три два шесть танго дельта Чарли, следуйте тем же курсом.

А потом земля стала удаляться от нас. Мотор неожиданно заревел, как газонокосилка, накачанная стероидами. Мы поднялись в воздух и развернулись, чтобы снова попытаться зайти на посадку. На юге небо было безоблачно голубым, а на севере – багровым. Еще одна вспышка молнии.

– Боковой ветер из-за грозы? – спросила я.

Чип не ответил. Капелька пота скатилась из-за его уха и впилась в воротник футболки.

Со второй попытки он начал снижаться еще вдаль от полосы, словно давая себе возможность подправить курс, если в этом будет необходимость. Что он и сделал. Дважды полоса под нами ускользала в сторону, и дважды Чип возвращал самолет на место.

– Очень хорошо, – сказала я, чтобы подбодрить его, отчаянно надеясь, что ему не придется снова подниматься в воздух и начинать все сначала. Я чувствовала, что меня вот-вот тошнит, но это меньше всего волновало меня в тот момент.

Я хотела только одного – чтобы мы коснулись бетона.

Наверное, это было самое медленное снижение в истории авиации. Чип еще раз поправил курс, и мы стали приближаться к земле. Я видела асфальт, который приглашал нас опуститься на него. И я стала молиться, чтобы мы коснулись его.

А потом мы приблизились к той части полосы, где рядом с ней стоял ангар для самолетов. Его размеры были достаточно большими, чтобы немного задерживать ветер. Мы были примерно в десяти футах над полосой, когда пролетали мимо здания – так близко, – и я почувствовала, как ветер затих, когда мы оказались в его тени. Все как-то затихло. Даже мотор стал работать не так громко. Чип немного расслабился. Земля была настолько близко, что, казалось, можно было дотянуться до нее рукой.

«Мы сделали это», – подумала я.

А затем мы вылетели из-за ангара, обратно на открытое место, и в этот момент резкий и сильный порыв ветра ударил в бок самолета с моей стороны, и он проделал то, что авиаторы называют «переворотом через крыло».

Я помню это, словно все происходило как в замедленной съемке. Я помню, как в меня впелись ремни безопасности, жесткие, словно деревянные доски. Крыло с моей стороны взмыло вверх, и самолет перевернулся. Я помню, как противоположное крыло скользнуло по полосе с разрывающим барабанный перепонки звуком, когда металл соприкоснулся с бетоном. Я помню, как Чип крикнул в ужасе:

– Держись!

Хотя я понятия не имела, за что держаться. Я помню, что я истошно закричала, и Чип тоже закричал. Мы в шоке посмотрели друг на друга, словно говоря: «Не может быть, чтобы это происходило с нами!» Я помню, как в моем сознании промелькнула мысль о том, что кричать было бессмысленно, так как было ясно, что нам никто и ничем не мог помочь. А потом все заслонила другая мысль:

«Это момент нашей смерти».

Мы, безусловно, не могли никак повлиять на то, что происходило. Мы были совершенно беспомощны, и, когда я это осознала, меня пронзила мысль, что все, чего я так ждала, закончилось, еще не начавшись. Чип и я, и свадьба на берегу, которой у нас не будет, и бигль, которого мы уже не спасем из приюта, и дети, которых мы никогда не родим. Говорят, что в такой момент перед глазами проносится вся жизнь, но я видела не свою прожитую жизнь. Я видела ту жизнь, которую так ждала. Ту жизнь, которую у меня больше не было шанса прожить.

Будущее просочилось сквозь мои пальцы в тот момент, когда я уже почти держала его в руках.

Внезапно я закипела от злости. В тот момент я не думала ни о родителях, ни о друзьях, ни о том, как тяжело отразится моя смерть на ком-либо. Я просто не могла поверить, что мне осталось жить считанные секунды.

Я не могу сказать вам, сколько полных вращений совершил самолет, который гнало по взлетной полосе, как потерявшегося воздушного змея. Не зря это называлось переворотами через крыло. Крылья превратились в спицы гигантского колеса, а мы стали чертовой осью вращения. В какой-то момент я полностью утратила ориентацию и перестала чувствовать вращение. Мне казалось, что нас просто качает взад-вперед. Я помню, что сосредоточила все силы на том, чтобы меня не стошнило, потому что контролировать что-либо еще уже не было никакой надежды.

Я уже была готова извергнуть все содержимое желудка, когда крыло с моей стороны отвалилось с ужасающим, леденящим кровь треском. Струя горячего ударила в окно, словно мы были внутри мойки для автомобилей, и мы, наконец, плюхнулись в канаву. Я оказалась лежащей внизу, а Чип болтался в воздухе.

Мы остановились.

Все замерло.

И тогда меня вырвало прямо на окно, которое было подо мной.

Глава 2

Спустя тысячу лет я услышала Чипа, который сдавленным голосом произнес:

– Маргарет? Ты в порядке?

– Меня вырвало, – сказала я, не вполне осознавая причины его беспокойства.

– Маргарет, топливо – мы должны выбираться отсюда. Ты ранена?

– Не думаю.

Чип начал двигаться, отстегивая ремни и пытаясь открыть дверь кабины. С его стороны самолет, похоже, был не так поврежден, как с моей. Дверь немного заклинило, и ему пришлось опереться на сиденье и ударить в нее ногой. Она довольно легко поддалась, широко распахнулась и несколько секунд со скрипом покачалась.

Он вылез наружу, затем протянул руку ко мне.

– Пошли!

Но я даже еще не отстегнула ремни. Все, казалось, двигалось, как в замедленной съемке. Мои руки словно мне не принадлежали. Я видела, как они поднялись, чтобы открыть застежку на плече, и только в этот момент я осознала, что она уже отстегнута. Потом я попыталась справиться с застежкой на животе, которая, напротив, никак не хотела расстегиваться.

Но в любом случае это было неважно. Самолет с моей стороны был сильно помят. Я даже уже не *сидела* в кресле – я скорее была зажата между ним и приборной панелью.

Я попыталась повернуться, но безуспешно. Я попробовала пошевелить ногами, но они намертво застряли.

Чип находился снаружи и смотрел на меня сквозь окно.

– Давай же, Маргарет! Быстрее!

– Я не могу! – крикнула я. – Я застряла!

Он протянул руку ко мне, чтобы я за нее ухватилась.

– Я вытащу тебя!

– Я не могу! Мои ноги зажаты.

Чип какое-то время молчал – может быть, секунду, может быть, час – трудно сказать. Потом он произнес:

– Я побегу за помощью.

И в первый раз от перспективы остаться одной я почувствовала страх.

– Нет! Не оставляй меня!

– Эта штука может взорваться в любой момент!

– Я не хочу умирать одна!

– Нам нужны пожарные!

– Вызови их по телефону!

Голос Чипа был странным; я услышала в нем панику.

– Я не знаю, где он!

– Не уходи, Чип! Не уходи! Не уходи!

Мой голос тоже звучал странно – словно принадлежащий кому-то другому, кому-то, кто мне не нравился и не вызывал у меня сочувствия. Это кричала какая-то истерическая и жалкая девочка.

Но Чип уже уходил.

– Я должен позвать на помощь. Просто потерпи. Я вернусь через две минуты.

И он оставил меня одну.

Я оказалась одна, в сплюсненном самолете, вдыхая насыщенный парами топлива воздух. Он был таким кислым, и отравленным, и едким, что мне казалось, будто мои легкие плавятся.

– Две минуты, – шептала я, пока эти слова не утратили смысла. – Две минуты. Две минуты. Две минуты.

А потом раздался сильный удар грома, от которого задрожали приборы на панели.

После чего пошел дождь.

Тяжелые капли истерически барабанили по металлическому корпусу самолета. Дверь со стороны Чипа все еще была открыта, и вода полилась прямо на мои оголенные плечи, холодная и зловещая.

Прошло больше двух минут, но не могу сказать вам, сколько именно. Десять? Тридцать? Сто?

Я не знала, хорошо это или плохо, что идет дождь. Предотвратит ли он пожар – или сделает все еще ужаснее? Я хотела лишь одного – чтобы весь мир замер до тех пор, пока я не выберусь из самолета и не окажусь в безопасности. В канаве было темно, словно кто-то выключил свет. Вскоре я начала дрожать. Капли дождя стучали по металлу, как маленькие камешки. Я слышала какое-то тиканье. Я даже могла услышать свое дыхание. И я думала о том, сколько времени понадобится, чтобы канава заполнилась водой и я утонула бы в результате авиакатастрофы.

Я продолжала попытки высвободиться. Но безрезультатно.

Я чувствовала себя одиноко много раз в своей жизни – иногда в хорошем смысле, иногда в плохом – но я никогда не чувствовала себя настолько потерянной.

– Вернись, – шептала я Чипу. – Вернись.

Но мои слова тонули в шуме дождя.

А потом я услышала самый прекрасный звук, который когда-либо слышала в своей жизни – до этого момента и даже до сих пор.

Сначала вдали, потом все ближе. Сирена.

Пожарная машина.

Чип не вернулся, но у меня теперь было кое-что получше.

И в этот момент, словно почувствовав их приближение, дождь утих и превратился в легкое накрапывание.

Слышимость внутри самолета была довольно хорошей. После того как выключили сирену, я могла слышать, как пожарные снаружи разговаривали и выкрикивали друг другу команды. Их было пять или шесть человек. Я слышала звуки, которые не могла идентифицировать – звяканье, клацанье, лязг. Один парень обозвал другого болваном. Прошло несколько минут, потом еще несколько. Я не могла понять, почему никто до сих пор не пришел вытащить меня.

А потом я услышала новый звук – нечто другое. Вспышку. Словно спичку поднесли к газовой горелке и она вспыхнула пламенем.

Я услышала его за полсекунды до того, как начался пожар. Достаточно для того, чтобы успеть немного съежиться и прикрыть лицо руками.

А потом все смешалось: шум, ветер, жара. Я низко склонила голову, потому что это было единственным, что я могла сделать. Я почувствовала, как мне обожгло шею, а спустя несколько секунд пожар стих. Кабина была наполнена дымом и пахла барбекю и палеными волосами.

Следующими звуками, которые я услышала, были лязг и звон металла, по которому кто-то наносил удары. Я слышала хлопки, мужские голоса, шум мотора и какое-то жужжанье. А потом, спустя несколько секунд, крыша самолета, которая после нашего приземления стала скорее стеной, отвалилась. И рядом со мной появился стоявший на коленях пожарный в полном обмундировании и с маской на лице. А позади него был снег. И только в этот момент я заметила, что снег был и в кабине.

Пожарный снял маску и оказался дамой. Женщина-пожарный! Она назвала мне свое имя, но я понятия не имела, что она сказала. Иногда, даже сейчас, когда я не могу уснуть, я пытаюсь вспомнить, что это было за имя. Карен? Лора? Дженни?

– У нас живой пациент, – объявила она.

Мне показалось, что я уловила в ее голосе удивление.

Она придвинулась ко мне, в то время как остальные продолжали отламывать крышу.

– Скажите, что у вас больше всего болит.

– У меня ничего не болит, – сказала я.

Она протянула руку, чтобы проверить мой пульс. На лице у нее отразилось сомнение.

– Совсем ничего?

– Я в порядке, – заверила я. – Просто застряла, – а потом спросила: – Почему идет снег?

– Это не снег, – ответила она. – Это пена. Для тушения пожаров.

Пена! Для пожаров! Я на секунду забыла о пожаре! И только сейчас я почувствовала жжение на шее и на руке.

– На самом деле, у меня могут быть кое-какие ожоги, – сказала я.

Она улыбнулась мне:

– Вам очень повезло. Пожар начался в тот момент, когда мы уже развернули шланги. Мы потушили его за одну минуту.

– Похоже, мне действительно повезло, – согласилась я.

– К тому же, – продолжала она, светя крошечным фонариком мне в глаза, – лежа лицом вниз в канаве, вы оказались в самом лучшем положении, когда огонь охватил кабину.

– Значит, мне повезло вдвойне, – сказала я.

– Вы шутите? Не вдвойне, а вчетверо. Я поражена, что вы не превратились в брикет угля.

– Я тоже, – ответила я.

– Мы собираемся положить вас на доску, – сказала она. – Чтобы ваше тело было неподвижным, пока мы будем перевозить вас в больницу.

– Я думаю, что я на самом деле в порядке, – возразила я. – Просто застряла.

Но она уже достала кислородную маску и собралась надеть ее на меня.

– Сейчас мы дадим вам немного кислорода. Чтобы вам было легче дышать.

– Но я и вправду в порядке.

– Это просто мера предосторожности, – сказала она, подмигнув мне. – Так положено. Вы же не хотите, чтобы у меня были неприятности?

Этого я не хотела. Хотя у женщин-пожарных в любом случае должны были быть железные нервы, и они не очень боялись неприятностей.

И я притихла и стала послушно вдыхать прохладный кислород, а она тем временем осторожно, сантиметр за сантиметром, просовывала мне за спину длинную доску. Она также надела мне на шею фиксирующий воротник, хотя мне было абсолютно ясно, что он не нужен. На последний этап, после того как меня надежно закрепили на доске, ушло довольно много времени. Нужно было разобрать всю переднюю часть самолета, чтобы освободить мои ноги. Этим занялись сразу трое пожарных, которые вовсе не спешили.

Но я была благодарна им за их осторожность. Никто не торопился, все действовали предельно аккуратно. А моя безымянная дама-пожарный все это время оставалась рядом со мной, снова и снова заставляя меня пошевелить пальцами рук и ног и мило болтая, чтобы отвлечь меня. Она сказала, что, если бы разбился большой самолет, вызвали бы сразу огромное количество спасателей и карет «Скорой помощи». Но «эти маленькие самолетики больше похожи на игрушки из фольги».

Еще до того, как меня вытащили, я услышала шум подлетающего вертолета.

– А вот летит ваше такси, – сказала моя новая подруга.

– Но я же в порядке, – снова попыталась убедить ее я.

- Вам понравится. Это очень интересно.
- А где Чип? – спросила я.
- Это ваш бойфренд?
- Мой жених, – ответила я, впервые произнося это слово.
- Он около кареты «Скорой помощи».
- Он ранен?
- Они сейчас осматривают его. Но, похоже, на нем нет ни царапины.

Когда меня, наконец, окончательно освободили и погрузили на каталку, они повезли меня к карете «Скорой помощи», где с меня осторожно ножницами срезали всю одежду, а потом поставили капельницу с морфином.

Гроза стихла, и теперь небо было совершенно безоблачным. Я видела над собой миллионы звезд, и я благодарилась им всех. Я благодарилась им за удачу, за пожарных, за сирены, за огнетушители, за канавы, за болторезы, за кислород и за надежду, за чудеса и за то, что я не превратилась в уголь.

Парамедики не переставали возиться со мной. И всякий раз, когда я заверяла их, что я в порядке, они лишь пожимали плечами и отвечали:

- У нас такие правила.

Согласно инструкции, они повезли меня в карете «Скорой помощи» к вертолету, который приземлился всего в двухстах футах от нас. И они не позволили Чипу сопровождать меня, хотя в кабине было много места.

- Мне нужно, чтобы ты был рядом со мной, – сказала я, когда меня везли к вертолету.
- Я не могу, – ответил он.
- Сделай это!
- Я встречу тебя в больнице, – крикнул он мне вслед.

Если я собиралась лететь, а он ехать на машине, я подумала, что ему придется поторопиться. Но он не торопился. Я бросила на него последний взгляд, когда меня грузили в вертолет. Он стоял все на том же месте, неподвижно, как статуя.

Я не могла поверить, что вокруг меня поднялась такая суматоха. Честно. Из-за пустяков.

Ну, может быть, не совсем из-за пустяков. Я была на волосок от смерти. Самый мой страшный кошмар сбылся. Крушение, дождь, огонь. Может быть, я не смогу перестать дрожать.

Но мы все-таки выжили.

К тому моменту, когда меня погрузили в вертолет, я уже засыпала. Я подумала, что это из-за перенесенного страха. Или, может быть, они что-то вкололи мне. Или я надыхалась кислородом. Перед тем как окончательно отключиться, я подумала, не придется ли мне провести в больнице всю ночь. Я надеялась, что не придется. И если я смогу покинуть ее как можно быстрее, может быть, мы с Чипом все-таки успеем на поздний ужин в ресторан.

Несмотря на крушение, у нас еще было что отпраздновать.

Глава 3

Я проснулась, когда в отделении экстренной помощи поднялся дикий шум, но это не было первым, что я осознала. Первым, что я почувствовала, было то, что моя спина горела, как в огне. И как только я осознала, что мне больно, я вдруг поняла, что мне было больно все время – даже в первые моменты после катастрофы.

Я понимаю, что это кажется невероятным, но лишь в тот момент, когда я *заметила* эту боль, я ее *вспомнила*.

– У меня болит спина, – сказала я, не обращая ни к кому конкретно.

Я даже не смогла бы понять, *кому именно сказать это*, потому что уголком глаза видела, как по меньшей мере двадцать человек беспорядочно сновали по комнате, переговариваясь так быстро, что их слова просто сливались в однообразный шум. От этой комнаты у меня в памяти остались лишь звуки и зрительные впечатления – звуки и впечатления, которые я не могу даже упорядочить. Люди в голубых пижамах сновали туда-сюда, приборы пищали, яркий свет огромной лампы надо мной бил в глаза, заставляя меня щуриться. Кто-то менял пакет с лекарством в моей капельнице. Кто-то просил катетер. Я слышала слова «рентген» и «томография».

Моей шее было неудобно в корсете, и я попросила толстого санитаря с добрым лицом снять его с меня.

– Нельзя, до тех пор, пока мы не обследуем позвоночник, – сказал кто-то.

– Потерпи еще немного, милая, – сказал санитар.

Есть ли у меня аллергия на лекарства? *Нет*. Были ли у меня какие-нибудь заболевания, о которых им следует знать? *Нет*. Не беременна ли я? *Господи, надеюсь, что нет*.

– Я здоровая, как лошадь, – сказала я.

Какой-то мужчина, который, как я узнала позже, был нейрохирургом, остановился рядом со мной, чтобы сказать, что они измеряют мое давление и проверяют чувствительность с помощью булавочных уколов. И они будут вводить мне стероиды, чтобы предотвратить отек, потому что положительное действие стероидов перевешивает возможные побочные эффекты.

– О'кей, – сказала я. Но только когда он ушел, мне пришлось в голову спросить: – Отек чего?

Но мне никто не ответил.

После осмотров и компьютерной томографии ко мне снова подошел нейрохирург и стал говорить какую-то бессмыслицу:

– У вас взрывной перелом поясничного позвонка. Мы отправляем вас на операцию в хирургическое отделение. Оценка ваших жизненных показателей произведена, и обнаружили некоторые отклонения от нормы, а крестцовый отдел спинного мозга позвоночника немного сдавлен. Но есть и хорошие новости – ваша подвздошно-поясничная мышца функционирует, и мы надеемся, что повреждение неполное. Конечно, мы узнаем больше, когда проведем операцию.

– Неполное повреждение чего? – спросила я.

Он удивленно моргнул, словно думал, что я уже это знаю.

– Вашего спинного мозга.

Я на секунду задержала дыхание.

– Поэтому у меня болит спина?

Он отвернулся и что-то спросил у санитаря. Потом он снова повернулся ко мне и сказал:

– Вам повезло. Позвонок поврежден, но не задел спинной мозг. А теперь нам нужно лишь добраться до него и удалить все осколки.

– Прямо сейчас? – спросила я.

Он кивнул:

– Мы перевозим вас в операционную. И пока вы будете находиться там, мы вызовем пластического хирурга, чтобы он оценил состояние вашего лица и шеи и, может быть, удалил омертвевшие участки кожи. Вам, конечно, потребуется еще одна операция. После того, как ваше состояние стабилизируется. Но первым делом нужно разобраться с вашим позвоночником.

– А зачем вторая операция?

– Трансплантация кожи. Из-за ожогов.

Трансплантация кожи. Из-за ожогов.

Нейрохирург уже собрался уходить.

– У вас еще есть вопросы ко мне?

Я хотела кивнуть, но у меня это не получилось. Да, у меня были вопросы. По меньшей мере тысяча. Но я не могла их сформулировать. И вместо этого я задала лишь один, который пришел на ум:

– Пожалуйста, может кто-нибудь найти мою маму?

Обычно воспоминания имеют какую-то хронологию. Даже если у вас выпадают из памяти какие-то моменты, все равно остается некое чувство логической связи – *вот это привело к тому-то*. Но мои воспоминания об отделении интенсивной терапии представляют собой лишь какую-то мешанину образов, звуков и ощущений таких смутных, что их трудно выразить словами.

Говорят, что все теряют чувство времени в отделении интенсивной терапии. Все напоминает Лас-Вегас, не хватает только полураздетых девочек и игральные автоматы. Во-первых, отсутствуют окна. Гудят яркие флуоресцентные лампы и ночью, и днем. Иногда они становятся более тусклыми, но не намного. В любое время дня и ночи по палате разгуливают врачи, медицинские сестры, технический персонал, реабилитологи, социальные работники, координаторы медицинских услуг, администраторы, родственники пациентов и все, кому это взбредет в голову. Приборы пищат и гудят. Щелкают клавиатуры компьютеров. Скрипят чьи-то ботинки. Звонят телефоны.

Все это по меньшей мере полностью уничтожает ваш циркадный ритм.

И вы сами. Периоды сна сменяются периодами бодрствования. Вы одурманены лекарствами и болевыми ощущениями. И вас будят то и дело в любое время суток – чтобы принять лекарство, чтобы перевернуть во избежание пролежней или просто потому, что кто-то хочет задать вам какой-то вопрос. Вы становитесь пассивным, одуревшим элементом какой-то несветной экосистемы, которая день и ночь борется за то, чтобы вы оставались живы – но вы настолько далеки от жизни, насколько это возможно.

Почти что мертвы.

Мои родители приехали в больницу сразу после того, как меня отвезли в операционную (и застали в приемном отделении Чипа, который «выглядел подавленным, совершенно подавленным»). Я знаю со слов матери, что операция длилась около двух часов, и они прикрепили шины в области моего поясничного позвонка, чтобы обездвижить позвоночник.

На следующий день мое состояние было достаточно стабильным, чтобы провести вторую операцию, по трансплантации кожи. И об этом я тоже узнала гораздо позже от моей мамы. Она всегда была педантичным человеком и все это время старательно вела записи, чтобы потом не только поведать мне историю моей жизни, но и обогатить мой словарный запас разнообразными медицинскими терминами.

Она сообщила, что в некотором смысле мне повезло, что ожоги были такими сильными. Ожоги третьей степени не вызывают болевых ощущений, поскольку нервные окончания повреждены. Она также рассказала, что нейрохирург специально приходил в операционную уло-

жить меня на столе таким образом, чтобы при обработке моего лица и шеи не повредили мой позвоночник. Еще она объяснила мне, как пластический хирург специальным инструментом, вроде того, которым чистят морковь, снял с меня обожженную кожу. А потом пересадила на эти участки кожу, которую сняли с моей груди, прямо с того места, которое находится чуть ниже ключиц.

Они пришили новую кожу обычным швом – «крестиком», каким простегивают лоскутные одеяла.

После двух операций я провела семь дней в палате интенсивной терапии, и все это время к моей шее была прикреплена аспирационная трубка, чтобы отсасывать жидкость из-под трансплантированной кожи. Мама сфотографировала меня на свой телефон, но потом решила, что это «дурной тон». Она показала мне фотографию спустя несколько недель, прежде чем удалить ее. На фотографии я выглядела так, будто к моей шее присосалась огромная минога-альбинос.

Похоже, что первым, о ком я спросила, очнувшись после операций, был Чип. Он пришел после первой операции (хотя я не помню этого), но после второй он отправился домой спать, и вместо него ко мне впустили мою маму.

Я знаю теперь многое из того, чего совсем не помню. У меня был установлен постоянный катетер для отвода мочи. То, что осталось от моих волос, мешало делать перевязки на шее и лице, поэтому кто-то бесцеремонно остриг мои волосы под корень, даже не спросив меня – возможно, когда я спала. И я приняла больше лекарств за эти семь дней, чем за всю мою предыдущую жизнь – огромные дозы самых разных препаратов, некоторые заставляли меня забыть обо всем. Посетители допускались ко мне только на десять минут. И большую часть времени я была совсем одна, в окружении приборов и толпы незнакомых людей.

Один из болеутоляющих препаратов вызывал у меня рвоту. Это я помню.

Я также помню лица. Мама, склонившаяся надо мной с опухшим от слез лицом. Папа, сжимавший губы, чтобы не расплакаться, и постоянно показывавший большие пальцы, словно одобряя все происходящее. Чип, застывший, словно статуя, стоявший рядом с кроватью, но, казалось, бывший где-то далеко, за много миль от меня. И еще я помню странные вещи, которые разные врачи в голубых пижамах проделывали с моими ногами, сгибали их, вытягивали, поворачивали. Я могла видеть, что они делают, но я ничего не чувствовала.

Все это было похоже на длинный, странный сон. С периодами рвоты.

Глава 4

Лишь когда я покинула отделение интенсивной терапии, я начала пробуждаться к жизни. И лишь когда я начала пробуждаться к жизни, я начала осознавать, насколько плохо обстоят мои дела.

Например, в тот день, когда меня перевозили из реанимации, все утро ушло на то, чтобы пересадить меня в кресло-каталку. Медсестра по имени Нина постепенно осторожно приподнимала изголовье моей кровати, чтобы перевести меня в сидячее положение. Я так долго находилась в лежачем положении, что мое кровяное давление было в критическом состоянии. Это могло вызвать обморок или даже инфаркт. Когда вы неподвижны и находитесь в бессознательном состоянии, вы быстро теряете мышечную массу. Я потеряла за неделю двадцать фунтов. И была похожа на маленькую, сморщенную старушку.

Я помню, как волновалась из-за того, что Чип будет в шоке при виде меня. И я была рада, что его там не было. Словно нескольких дней мне хватит для того, чтобы полностью восстановиться.

Но тем не менее я спросила:

– Где Чип?

Я задала этот вопрос маме по меньшей мере три раза, прежде чем она ответила:

– Он сегодня себя плохо чувствует, солнышко мое, – сказала она.

– Плохо себя чувствует? – спросила я.

– Напился, – пояснил папа.

– Клифф! – Мама ударила его по плечу.

Нина могла с легкостью поднять меня и посадить в кресло, но они совсем по-другому обращались с пациентами в период реабилитации. Они заставляли вас самостоятельно делать разнообразные вещи – невозможные вещи, – прежде чем вы были к этому готовы. И вот, едва покинув отделение интенсивной терапии, я уже должна была самостоятельно садиться, двигаясь дюйм за дюймом.

– Не могли бы вы просто поднять меня? – спросила я.

– Я не могу помочь вам самостоятельно подняться, – сказала Нина так, что ее отказ прозвучал скорее как согласие.

Родители были рядом со мной, сочувственно глядя на меня. Клифф и Линда. Я много раз видела, как они стоят рядом, плечом к плечу, но никогда они не выглядели такими встревоженными. Их обуревало желание подойти ближе и помочь, но Нина не подпускала их. Она держала кресло, и я должна была переползти в него в моей сорочке и странных больничных трусах. К тому же у меня еще не удалили катетер. Со всеми этими трубками, повязками и головокружением было чудом то, что я вообще смогла принять сидячее положение.

А мои ноги? Я все еще не чувствовала их и не могла ими пошевелить. Они были похожи на гигантскую японскую рисовую лапшу, безжизненно свисавшую с моих колен. Нина сама сдвинула их с места и свесила их через край кровати. Я только наблюдала за тем, как они болтаются в воздухе.

– Когда восстановится чувствительность моих ног? – спросила я.

– На это вам может ответить только ваш доктор, – сказала Нина.

К тому моменту, когда я очутилась в кресле и Нина поставила мои ступни на подножку, я уже едва могла отдышаться, словно пробежала целую милю.

– Вот молодчина! – воскликнул папа, когда я, наконец, села в кресло. Точно так же он восклицал, когда я первой приходила на соревнованиях по бегу.

Нина взялась за ручки кресла и покатила меня из палаты. Мы проехали, казалось, несколько миль по лабиринтам коридоров, прежде чем найти мою новую палату. Это была

комната на двоих, и обе кровати были не заняты, что означало, что я могу выбрать любую. Но мама наверняка решит за меня, как она обычно поступала. Она спрашивала, чего ты хочешь, ждала ответа, а потом объясняла, почему это не получится, и заставляла тебя делать то, что хотелось ей.

Я выбрала кровать, расположенную ближе к ванной комнате, но моя мама тут же сказала, что она читала статью, в которой говорилось, что вид природы очень помогает процессу выздоровления, и не кажется ли мне, что лучше будет занять место у окна?

Как обычно: я выбирала одно, а заканчивала совсем другим.

Около моей новой кровати мы проделали всю процедуру с креслом в обратном порядке, чтобы я могла лечь. На это ушел час, и в конце я едва дышала, и меня тошнило. Мои родители все это время стояли в ногах кровати и наблюдали за мной.

– Так где же Чип? – спросила я.

– Отсыпается с похмелья, – сказал папа, и на этот раз мама промолчала.

Я повернулась к Нине.

– Когда удалят этот катетер? – спросила я, когда она, наконец, укрыла меня простыней и я откинулась на похрустывающую больничную подушку.

– На это тоже вам может ответить только доктор.

У меня было такое чувство, что она слишком часто говорит это.

Как только Нина ушла, папа отправился вниз за кофе, а мама принялась украшать комнату. Это было частью ее работы. Они с папой вдвоем управляли строительной компанией, и в то время как папа обычно занимался непосредственно стройкой, мама брала на себя дизайн. Так что это было ее профессиональной ответственностью – в любой ситуации сделать так, чтобы все выглядело как можно лучше.

Она принесла стеганое одеяло из дома, в сине-белую клеточку, и пушистый плед. Она всю неделю собирала открытки с пожеланиями выздоровления от друзей и родственников и теперь с помощью скотча прикрепила их на стенку. Она принесла кучу журналов, которые разложила на боковом столике, и нашла на чердаке моего любимого игрушечного кролика. Когда она, наконец, уgomонилась и села на стул, она принялась критиковать убранство палаты.

– Не знаю, о чем они думали, когда покрасили стены в этот ужасный сиреневый цвет. Прямо как в восьмидесятые годы.

Я только что пережила авиакатастрофу и, естественно, это была самая подходящая тема для разговоров. Ничто так не выводило из себя Линду Якобсен, как плохой декор.

– Сиреневый и серый, – продолжала она. – Это яд. Они визуально отравляют вас.

– Это не так уж плохо, – возразила я, чтобы поддеть ее. – Это же больничная палата.

Но она вздернула подбородок:

– Человек, который декорировал эту больницу, должен быть в тюрьме, – объявила она с достоинством женщины перед лицом несусветного кошмара.

Я медленно втянула в себя воздух.

– Ты можешь раздвинуть шторы, – предложила я.

Она повернулась к окну с таким видом, словно забыла о нем.

– Конечно. Да.

Мама подошла к окну, постукивая каблуками. Этот звук я слышала всю свою жизнь. Она решительно раздвинула шторы.

Я не знаю, что мы ожидали увидеть, но окно выходило на стоянку автомобилей и вентиляционную шахту.

Мама повернулась ко мне.

– Так хуже.

Действительно.

И в этот момент тяжелая дверь в палату открылась, и врач, которого я до этих пор ни разу не видела, вошел в палату и направился прямо к моей кровати, ухватив по дороге стоявший на тележке компьютер и везя его за собой. Он спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Потом наклонился ко мне, чтобы проверить повязку на моей шее.

Я не знала, как ему ответить.

– Странно. Сюрреалистично. Как в тумане.

– Боли? – уточнил он.

– Не уверена.

– Это лекарства. Они дезориентируют. Но мы постепенно отменяем их. Так что завтра вы сможете точнее определить, что у вас болит.

– Не уверена, что хочу точнее определять это.

Это была слабая попытка пошутить. Но он пожал плечами:

– Я вас понял.

Он повернулся к компьютеру, приложил к нему свой бейдж и стал проверять мою медицинскую карту.

– Хорошие новости, – сказал он. – Никакого отторжения.

О! Так это он делал мне операцию. Похоже, мы все-таки уже встречались.

– Мы сняли кожу с двух участков прямо под вашими ключицами. – Он указал на повязку на моей груди, и я на самом деле в первый раз обратила на нее внимание. – Мы снимем повязку через пять-шесть дней и дадим ране подсохнуть. Потом корочка отвалится, и все заживет. Конечно, останется шрам, но когда нарастет новая кожа, можно будет использовать разные мази, чтобы сделать его менее заметным. А лет через десять вы даже не будете видеть его.

Десять лет! Если бы в этот момент я что-нибудь пила, я наверняка подавилась бы.

Но он невозмутимо продолжал:

– Мы пришили кожу с груди на переднюю часть шеи и на трапецевидную мышцу. Там, конечно, будут еще шрамы. Но вы сможете прикрывать их волосами. – Он улыбнулся. – Так что завязывать волосы в хвостик вы больше не сможете.

– А почему нет повязки на моем лице и на шее? – спросила я.

– Как только начинается процесс заживления, мы предпочитаем оставлять эти участки открытыми и просто накладывать на них мазь. Их не нужно бинтовать. Но вам какое-то время придется носить одежду с открытым плечом с этой стороны. Просто покупайте дешевые футболки и отрезайте левый рукав и горловину. – Он рассмеялся. – Вы будете выглядеть как подравшийся футбольный фанат.

Но мою мать это не развеселило.

– А что будет с лицом?

У меня расширились глаза. *С лицом?* Я не помнила, чтобы кто-нибудь упоминал мое лицо.

Врач посмотрел на мою маму так, словно только что заметил ее. Потом обратился ко мне:

– Наверное, вы рады, что ваша мама здесь.

– Рада, – ответила я.

Но мама продолжала трагическим шепотом:

– Я даже не могу спокойно на нее смотреть.

И в этот момент я осознала, что она была права.

– На лице были ожоги второй степени, – сказал врач. – Сейчас это волдыри, которые превратятся в корочки и будут страшно чесаться, но если она не будет их расчесывать, шрамы будут минимальными. Через три недели все заживет.

Моя мама подходила ко всему основательно:

– Минимальные шрамы означают *отсутствие* шрамов?

Но она хотела слишком многого.

– Я не даю никаких обещаний, – сказал врач, отвозя тележку с компьютером на место. – Мы сделаем все, что от нас зависит, и, надеюсь, этого будет достаточно.

После того как он ушел, в палате воцарилась мертвая тишина. Здесь не было сводящей с ума какофонии звуков, как в реанимации. Только тихое гуденье кондиционера. Внезапно я услышала мамино всхлипывание.

Я повернулась к ней. Она стояла лицом к окну, крепко сжав пальцы в кулаки.

– Мама, прекрати, – сказала я.

– С тобой все будет в порядке, – ответила она мне, словно возражая.

– Возьми себя в руки. – Я снова закрыла глаза. Я очень устала.

– Ты была безупречно красива, – сказала она, наконец. – Неудивительно, что Чип слишком подавлен, чтобы навестить тебя.

У моей мамы был удивительный талант ухудшать ситуацию. Она во всем могла найти плохую сторону. И когда она ее находила, она должна была поделиться со своим открытием со всеми.

– Знаешь что? – сказала я. – Я ужасно устала.

Но она еще не закончила:

– У тебя еще вся жизнь впереди.

Вот так. На самом деле, весьма неутешительно.

– Я читала статистику, – продолжала она. – О том, что в подобных случаях происходит с взаимоотношениями.

– Мам.

– Знаешь что? Женщины не бросают мужчин, но мужчины бросают женщин.

– Чип не собирается меня бросать.

«Нелепо» было слишком мягким словом, чтобы выразить мое отношение к ее предположениям.

– Нет, – сказала она, – он тебя не бросит. Потому что мы тебя приведем в порядок.

Я слишком хорошо знала это ее выражение лица.

– Бог наделил меня такой энергией не зря, – заявила она. – Ты восстановишься, моя милая девочка. Ты станешь у нас как новенькая. У меня уже целая папка со статьями о чудесных исцелениях и о людях, которые бросили вызов самым мрачным диагнозам.

А мой диагноз был мрачным? Что-то подсказывало мне, что лучше не спрашивать.

Мама обернулась и уставилась на одеяло, лежавшее у меня в ногах.

– Ты поправишься и всем покажешь, что ты сильная, – сказала она, чем-то напоминая мне Скарлетт О’Хара. – Мы найдем лучшего в мире пластического хирурга. Мы не остановимся ни перед чем. Если я и папа должны будем потратить каждый сэкономленный нами цент – *продать дом!* – мы сделаем это.

Мне следовало бы промолчать. Но что-то во мне требовало убедить ее.

– Чип не собирается меня бросать, – сделала я еще одну попытку. – Он любит меня.

– Тебя прежнюю, возможно, – сказала она. – Но сейчас? – Она нахмурилась. – Но мы не позволим этому случиться. Я ночами сидела в Интернете, изучая истории людей, попавших в похожую ситуацию и выкарабкавшихся из нее. Я знаю, что больше всего требуется решимость и упорство. Одна девушка нырнула в слишком мелкий бассейн на вечеринке и сломала шейный позвонок. Она должна была *умереть* – но она боролась изо всех сил и теперь преподает синхронное плавание. А одна женщина! Ее практически переехал грузовик. Сломал все кости в ее теле. А теперь она инструктор по аэробике в Сан-Бернардино. Еще одну девушку сбила машина, когда она переходила улицу. А теперь она модель, демонстрирует нижнее белье.

– Я все поняла, мам.

Но остановить ее было нельзя.

– Что общего было у всех этих людей? Воля. Мужество. Сила. А у тебя все это есть в избытке. И, кроме того, у тебя есть я.

Это обнадеживало. Было приятно знать, что она всегда подставит мне свое плечо. Кроме того, она сказала правду – эта женщина была сильной, как бык. Но почему-то ее слова породили во мне странные эмоции – их трудно объяснить, это было частично беспокойством, частично воодушевлением, а частично паникой. Как и всегда было при общении с моей мамой – вы никогда не получали в точности того, чего хотели. Я хотела силы без страха. Я хотела решимости без контроля с ее стороны. И я хотела откровенного разговора без моделей, демонстрирующих нижнее белье.

Но больше всего в тот момент я хотела закрыть глаза.

К счастью для меня, в палату вошел папа с подносом, на котором стояли стаканы с кофе. Он сразу же понял по царившей в палате атмосфере, какого рода у нас был разговор.

– Посмотрите на эту комнату! – воскликнул он, желая направить наши мысли в другое русло. – Линда, ты, как всегда, творишь чудеса.

Но Линду так просто остановить было невозможно:

– Приходил врач. Он сказал, что нет никаких гарантий, что ее лицо восстановится.

– По-моему, он сказал, что будет минимальное количество шрамов, – попробовала возразить я.

– Знаешь что? – спросил папа, прекрасно оценив обстановку. – Я думаю, что нашей девочке требуется немного отдохнуть.

Он прожил с мамой тридцать лет. И знал, как минимизировать нанесенный урон.

– А как же кофе? – возразила она.

– Мы выпьем его в машине.

Он подошел ко мне, посмотрел на мое обожженное лицо и улыбнулся, пожимая мне руку.

– Отдохни немного, милая.

– Пап? – спросила я.

– Да?

– Где все-таки Чип?

Но папа лишь добродушно хмыкнул:

– Я уверен, что он просто отсыпается. И тебе следует сделать то же самое. Это будет твоя первая спокойная ночь за все это время, – потом, увидев, как я нахмурилась, он похлопал меня по руке. Он знал, о чем я спрашиваю. – Иногда, когда тебе больше всего нужно, чтобы мужчина был сильным и мужественным – как раз тогда мы раскисаем.

– Я ни разу не видела, чтобы ты раскисал, – сказала я ему.

Он уголком глаза взглянул на маму:

– Я берегу это на потом.

О'кей, подумала я, когда они ушли. *О'кей. Первая спокойная ночь. Я могу себе это позволить.* По крайней мере, мне было к чему стремиться, хотя бы только к этому – к отдыху. К спокойному сну в тихой темной комнате.

Легче мечтать, чем сделать это. Медсестры все равно постоянно заглядывали в палату, проверяя мониторы, опустошая пакеты, прикрепленные к катетерам, переворачивая меня. На меня не надевали бандаж – по настоянию хирурга, – поэтому меня было особенно трудно переворачивать. И не успела я заснуть, как появился сам хирург, чтобы проверить мое состояние. А когда я снова начала засыпать, пришел социальный работник и разбудил меня, чтобы узнать, как я себя чувствую.

– Хорошо, – сказала я.

– У вас нет депрессии?

– Депрессии? – Я еще не окончательно проснулась.

– Депрессия часто случается в подобных ситуациях. Этого не стоит бояться. И если потребуется, от этого есть лекарства.

– О нет.

– Мысли о самоубийстве?

– М-мм, – сказала я, словно задумавшись. – Пока нет.

Но я продолжала думать о том, куда подевался Чип.

По правде говоря, я пока вообще ничего не чувствовала. По крайней мере, тогда, когда рядом не было мамы. Словно мои эмоции отключились. Словно я не совсем отдавала себе отчет, где я. Что-то происходило со мной и вокруг меня, и я как бы со стороны наблюдала боль, дискомфорт и усталость, но на самом деле не чувствовала их. Будто я стояла в дальнем углу комнаты и наблюдала, как течет чья-то жизнь, но даже не очень интересовалась этим. Даже если бы я постаралась, подозреваю, я не смогла бы понять, что именно происходит. У меня не складывалась картинка. Я воспринимала каждое мгновение как отдельную единицу времени, и эти мгновения были отделены друг от друга, так что я не понимала, что они означают и к чему ведут меня.

Возможно, это был своего рода эмоциональный шок. Я уверена, что это было неким способом самозащиты – мозг отказывался осознавать то, с чем он не смог бы справиться. Но когда ситуация, в которой я оказалась, стала для меня более-менее ясной, я посмотрела на нее с отстраненным интересом. Как бы говоря: «А-аа? Мое лицо покрыто ожогами? Да уж». Или: «Мои ноги ничего не чувствуют? О'кей». Или: «Мама собирается руководить действиями врачей? Очень мило с ее стороны».

И я совершенно не осознавала, что жизнь больше никогда не будет прежней.

Пока я не заснула.

Когда вы засыпаете после того, как произошло что-то страшное, самое ужасное состоит в том, что во сне вы об этом забываете. Что вообще-то хорошо, пока вы не проснулись. В эту ночь я видела свой первый кошмарный сон об авиакатастрофе. Я была пилотом. Я была одета в свадебное платье и фату, и я направляла самолет на большой скорости прямо к земле, что, несомненно, должно было убить нас обоих. Чип кричал: «Поднимись вверх! Поднимись вверх!» Но штурвал не слушался. Я проснулась как раз в тот момент, когда мы должны были рухнуть на землю. По моему лицу текли слезы, и в голове крутилась лишь одна мысль: «Слава богу! Слава богу! Мы не разбились!»

Но на самом деле мы разбились.

Я стала приходить в себя и осознала, что лежу одна в темной комнате. Это была реальная жизнь, и все было намного хуже, чем во сне. Сердце выпрыгивало из груди от охватившей меня паники, мои глаза были широко раскрыты. Я уставилась в потолок и попыталась дышать ровно и глубоко. Но это меня не успокоило. «Я не умерла», – твердила я себе.

Но вдруг все, что случилось со мной, было еще хуже?

Я попыталась сложить все кусочки мозаики, но мне это не удавалось. Жизнь, которую я знала, была окончена. И этого было более чем достаточно, чтобы я не смогла уснуть всю ночь. Я не знала, чего ожидать или на что надеяться. Долгие часы я лежала в темноте, глубоко дыша. В какой-то момент я подумала, не вызвать ли медсестру, но чем она могла помочь? Мне нужно было поговорить с кем-нибудь, но с кем? Я мучительно старалась подумать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь обнадеживающем, но напрасно. И несколько бесконечных часов я боролась с отчаянием по мере того, как до меня доходил ужас моего положения.

Глава 5

В шесть утра я все еще не спала, когда пришли Нина и санитар, чтобы перевернуть меня.

Я в это время еще была настолько неспособна двигаться самостоятельно, что по-прежнему существовал риск возникновения пролежней. Они включили все лампы и стали говорить со мной о дорожных пробках и о погоде, словно ничего в мире не изменилось. Они дали мне болеутоляющее и сменили повязку на груди. Потом с помощью шпателя смазали ожоги. Они были почти чрезмерно жизнерадостными и шутили друг с другом и со мной. Нине нравилось называть меня «леди».

– Эй, леди, как вам спалось?

Я даже не знала, что ответить.

– Сегодня вам предстоит позаниматься, – продолжала Нина. – В реабилитационном центре. – Она заглянула в мою карту на компьютере.

– М-мм, – промычала я.

– Ой, – неожиданно сказала она.

– Что? – спросила я.

– Здесь ошибка.

– Что за ошибка?

– Здесь вам неправильно указали нагрузку. Я поговорю с ними.

Я собиралась было спросить: «Какую нагрузку?» – но прежде чем я успела открыть рот, дверь распахнулась и в палату ввалился Чип.

Мы все уставились на него. Его светлые волосы выглядели грязными. Лицо заросло щетиной. На его сорочке было огромное коричневое пятно. *Соевый соус? Вустерский соус? Кровь?* А его брюки были разорваны. И на одном ботинке был развязан шнурок.

Он направился прямо ко мне и поцеловал. От него пахло пивом. Он был грязным и, по всей видимости, недосыпал.

Я задержала дыхание, внезапно осознав, каким важным был этот момент. Я ждала ответа на простой, ясный вопрос, который постоянно задавала. *Где был Чип?*

В баре.

Я оттолкнула его.

– Ты что, пьян?

Чип несколько раз моргнул.

– Думаю, что да. Наверное.

– Еще только шесть утра.

Но он принялся изучать мое лицо:

– Ты была такой красавицей – а теперь ты похожа на пиццу.

Он рассмеялся, и мы с Ниной уставились на него. Он сложился почти пополам, и его плечи тряслись от смеха. Потом он выпрямился.

– Но я все равно поцеловал тебя! Потому что ты... – он сделал жест рукой, словно поднимая бокал за здравие, – ты любовь всей моей жизни!

Я посмотрела на Нину. Она подняла брови, словно спрашивая, остаться ли ей или уйти.

Я махнула рукой, словно говоря, что все это ерунда. Что бы он ни собирался сказать, я, безусловно, не хотела, чтобы она слышала это. Я даже не хотела слышать это сама.

Нина подвинула кнопку оповещения сестры поближе к моей руке перед тем, как уйти.

– Вызовите меня, если я понадобится.

Я снова повернулась к Чипу:

– Где ты был? Я ждала тебя.

Мне самой было неприятно услышать нотку отчаяния в своем голосе. На собственном опыте я давно уяснила, что отчаяние никак не поможет в таких делах. Нельзя просить кого-либо любить тебя или находиться рядом с тобой – и, безусловно, нельзя давить при этом на чувство вины. Человек либо будет рядом, либо нет. Я могла бы поклясться, что Чип был из тех мужчин, которые не оставят тебя в беде. Во всяком случае, я так думала до катастрофы.

И внезапно я усомнилась в этом.

– Ты знаешь, что я не получил ни царапины? – спросил Чип. – Самолет разбился вдребезги. И ты, – он издал горький смешок, – и ты разбилась вдребезги. А я? Ничего. На мне нет даже ни кусочка лейкопластыря.

– Чип, что ты делаешь?

При этом вопросе он рухнул около кровати – буквально плюхнулся на колени на больничный пол, и его руки сжались в кулаки. А потом он разразился рыданиями.

Это было шокирующим зрелищем. Я никогда не видела, чтобы он так плакал. Или какой-нибудь другой мужчина. Мой отец никогда не плакал. Иногда на похоронах у него на глаза наворачивались слезы, но всегда он держался стойко. А Чип рыдал по-настоящему. Его плечи тряслись, все его тело содрогалось. Я потянула руку и погладила его по волосам.

– Эй, – сказала я, когда он начал затихать. – Может быть, тебе лучше пойти домой и поспать?

– Я не могу спать, – сказал он. – Я больше не сплю.

Я сказала нежно:

– Уверена, что ты сможешь заснуть, если попытаешься.

Но Чип отшатнулся от меня, вскочил на ноги и отошел к дальней стене.

– Не будь такой доброй ко мне.

– Ты переволновался. Тебе нужен отдых.

Он взвился:

– Не говори мне, что мне нужно!

– Чип, – сказала я. – Это был несчастный случай.

Но мои слова только еще больше взбесили его. Он уставился на мое лицо:

– Я сломал твою жизнь.

– Нет. Во всем виновата погода. Это просто был сильный ветер.

– Ты *винишь* во всем ветер?

А что еще мне оставалось делать?

– Ты склонна к самообману даже больше, чем я предполагал. Ты себя видела? Ты видела *свое лицо*?

На самом деле, я еще не видела. Мама завесила зеркало в ванной наволочкой. Хотя я в любом случае не смогла бы встать на ноги и посмотреться в него.

– Ты похожа на чудовище из фильма ужасов! Из-за меня! Я это сделал с тобой.

М-да. О'кей.

– Врач сказал, что останется очень мало шрамов.

– Но не на твоей шее. Там были ожоги *третьей степени*. Они никогда не заживут. Они будут выглядеть как шпаклевка, до самой твоей смерти. И тебе нужно благодарить за это меня – меня, и мое эго, и мою неуверенность в себе.

Он прошелся пятерней по своим волосам. Его лицо позеленело, словно алкоголь давал о себе знать.

– Это был несчастный случай, – настаивала я.

Но он посмотрел мне в глаза:

– Я сломал твой позвоночник. Это ты понимаешь? Они сказали тебе об этом? Ты не хотела лететь на том самолете. Меньше всего на свете ты хотела этого, а я заставил тебя. И ты доверилась мне. А теперь – из-за меня – ты *никогда, никогда*...

Может быть, впервые в жизни я не смогла предугадать его следующие слова.

– ...не сможешь ходить.

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

И потом до меня дошло, что это правда.

Мне показалось, что в комнате не осталось кислорода. Мои легкие сплюсцились. Я пыталась сделать глубокий вдох, но мне это не удавалось. Я могла лишь потихоньку хватать воздух ртом.

Чип разрыдался, глядя на мое лицо.

– Они все еще не сказали тебе об этом?

У меня кружилась голова, и я все еще не могла вздохнуть. А потом я почувствовала соленый привкус во рту, который всегда появляется перед рвотой.

Чип отступил на шаг:

– Бог мой! Они не сказали тебе, что ты парализована!

Слова «парализована» я тоже не смогла предугадать.

А что потом? Меня вырвало. На пол, на кровать, на мой больничный халат. Хотя стеганое одеяло, которое мама принесла из дома, каким-то чудом осталось незадетым.

И тут, словно по сигналу, дверь палаты открылась, и вошел мой папа, держа над головой коробку французских пирожных, как официант держит поднос. Он объявил:

– У нас здесь... – но, увидев нас, он остановился и тихо закончил: – круассаны.

Чип повернулся к нему:

– Ей ничего не сказали?

Но папа быстро оценил ситуацию. Он выплянул в коридор и крикнул:

– Может нам кто-нибудь здесь помочь?

Потом поставил коробку на стул и наклонился ко мне. Я все еще продолжала оставаться в полусогнутом состоянии на случай, если меня снова вырвет. Но теперь я боялась пошевелиться. То, что я согнулась, могло повредить моей спине? Не ухудшила ли я свое положение? Не могла ли я случайно сделать себя еще *более* парализованной?

Папа схватил полотенце и нагнулся, чтобы вытереть мое лицо.

А Чип, похоже, даже не подумал о том, чтобы помочь мне. Он остался стоять у дальней стены, на безопасном расстоянии.

– Она *парализована* – и никто не сказал ей об этом? – требовательно спросил Чип моего отца слегка заплетающимся языком.

– Похоже, ты только что сделал это, – сказал папа, заправляя мне за ухо прядь волос.

– Она имеет право знать, не так ли?

– Конечно, – сказал папа, начиная сердиться, и повернулся к нему: – Но не так. Мы ждали подходящего момента.

– Какого? – спросил Чип агрессивно. – В День благодарения, поедая индейку? Или рождественским утром?

– Ты самодовольный маленький клоун!

Папа был крупным мужчиной, похожим на медведя. Бывший моряк. А Чип был скорее жилистым. Все знали, что отец может согнуть Чипа в бараний рог, если захочет. И внезапно я поняла, что, возможно, именно этого и хочет Чип.

– Папа! – крикнула я. – Он пьян. Он пил всю ночь. Просто отвези его домой.

– Я не могу оставить тебя.

– Я в порядке.

– Мне так не кажется, солнышко.

– Просто выведи его отсюда, папуля. – Я уже много лет так не называла его. – Пожалуйста.

Папа глубоко вздохнул, и в этот момент в палату поспешно вошла Нина с чистым халатом и новыми простынями. За ней шел санитар со шваброй и с жидкостью для мытья пола.

Я не мешала Нине хлопотать вокруг меня, переодевать меня и заново укладывать в постель. Я в это время следила за тем, как санитар мыл пол, размышляя о том, заметит ли он брызги в дальнем углу. Мне казалось, что комната окутана туманом, вызывавшим онемение. Словно мой мозг не мог смириться с реальностью происходящего и собирался попросту игнорировать его. Я слышала разные звуки и отрывки разговора, я слышала, как отец и Чип что-то бормочут и шипят друг на друга, потом открылась и закрылась дверь, потом снова открылась и снова закрылась. Но этот момент, казалось, разбился на кусочки, словно детали головоломки, рассыпанные на столе.

После того как Нина закончила свою работу, я очень долго лежала неподвижно, боясь пошевелиться и ухудшить свое состояние. Когда я, наконец, приподняла голову, чтобы посмотреть вокруг, единственным человеком, оставшимся в комнате, была я сама.

Туман, окутавший меня, не рассеивался очень долго.

Никогда больше не ходить. Что это вообще означало? Откуда они могли это знать? Как они могли быть в этом уверены? Кто они были такие, чтобы предсказывать всю мою будущую жизнь? Разве человеческое тело не было полно загадок и чудес? Разве могли они просто заявить такое обо мне, а потом оставить меня жить с этим?

Конечно, они могли. Очевидно, я сломала позвоночник. Вот что случается с людьми, сломавшими позвоночник. Они проводят всю оставшуюся жизнь в инвалидных креслах. В прошлом году я видела документальный фильм об этом. О команде непобедимых подростков, которые попали в автокатастрофу или нырнули на мелководье, после чего были приговорены провести остаток жизни в инвалидном кресле. Но они собрали баскетбольную команду из таких же инвалидов. Что могло бы быть вдохновляющим примером для меня, только я никогда не любила баскетбол.

Парализована. Пытаться осознать это было все равно что пробовать всосать шар для боулинга через соломинку для коктейлей.

Невозможно.

Не возможно.

И тем не менее Чип смирился с этим. И папа даже не спорил с ним. Очевидно, это был установленный факт, который знали все, кроме меня. Подсознательно я даже не была удивлена. Я боролась со своими неподвижными, мертвыми ногами уже две недели. Но все залечивается. Все *всегда* залечивается. У меня было предостаточно повреждений, которые со временем залечивались. *Парализована.* Я не могла осознать это. Как я буду водить машину? Как я буду готовить обед? Принимать душ? Покупать продукты? Ходить с друзьями в ресторан? Работать? Руководить тем, чем я предполагала руководить? В моем мозгу произошло короткое замыкание. Я чувствовала, как он искрится и дымит.

Я попыталась глубоко дышать, чтобы успокоиться, но в результате случайно перенасытила легкие кислородом.

И в этот момент появился мой реабилитолог. Как раз тогда, когда я почти отключилась.

На нем была светло-голубая пижама и кроссовки, и он был коротко пострижен, так что его волосы торчали на макушке «ежиком». Он вошел и сказал:

– Меня зовут Ян Моффит. Я ваш тренер.

Но это показалось мне просто набором звуков, которые не увязывались в слова.

Он приложил свой бейдж к компьютеру и секунду смотрел в мою медицинскую карту, прежде чем сказать:

– Итак, вы Маргарет.

Но снова это было лишь набором звуков.

Когда я не ответила, он помахал рукой у меня перед глазами и сказал:

– Привет?

Это я поняла.

– Пора заняться физическими упражнениями, – сказал он.

– Что? – спросила я.

– Что «что»?

– Я вас не понимаю, – пробормотала я, слегка потряхивая головой, словно пытаюсь избавиться от воды, залившей в ухо.

– Никто меня не понимает. Я шотландец.

Вау! Это все объясняло. Конечно, он шотландец. Я думала, что мой мозг отказывается работать, но дело было не во мне, а в нем. Он был супершотландец. Настолько шотландец, что разговаривал так, будто рот у него был набит печеньем.

– Вы к этому привыкнете, – сказал он. – Вы готовы идти?

Нет. Я не готова была идти. Я покачала головой.

– Не готовы идти?

Он протяжно произнес это, делая особое ударение на последней гласной, и я заметила, что его нижние зубы были немножко кривоваты, но это смотрелось даже симпатично.

Я снова покачала головой.

– Почему нет? – спросил он, проглатывая «т» в конце слова.

Мой пьяный жених только что сообщил мне, что я никогда не смогу ходить.

– У меня выдалось тяжелое утро.

– Это случается часто. Но мы все равно должны сделать это.

– Нет.

– Что «нет»?

Позже я решила, что дело было не только в согласных буквах – он и гласные тоже часто проглатывал.

– Нет, – пояснила я, – я не могу сейчас сделать это.

– Послушайте, – сказал он, положив руки на бедра и слегка прищурившись. – Каждый день, каждый час, которые вы проводите в постели, ваши мышцы атрофируются. Неподвижно лежа в постели, вы ухудшаете свое состояние. Вам необходима нагрузка. Хотите вы этого, или нет. Вам придется ходить со мной в физкультурный зал каждый день, всегда. Не потому, что вам этого хочется или у вас хорошее настроение, а потому, что, если вы *не будете ходить* со мной, ваше здоровье окажется в большой опасности.

Мне было нелегко сложить все звуки, которые он произносил, в слова. Казалось, что они наезжают друг на друга. Они будто были организованы в колонки, а не в строчки, как положено. А словно для пущего эффекта он програссировал букву «р» в слове «здоровье». Я подумала в тот момент, что вряд ли обычному американцу удалось бы это. Но смысл его слов до меня дошел.

– Спасибо за такую вдохновенную речь, – сказала я. Потом добавила: – Нет.

– Вы пойдете.

– Нет.

– Да.

– Не пойду.

Я не знаю, что бы мы стали делать дальше. Он не был похож на человека, который легко сдастся. А я неожиданно почувствовала, что мне хочется ввязаться в драку.

Но именно в этот момент в палату вошла Нина, чтобы в последний раз, перед тем как закончить свое дежурство, проверить, как у меня обстоят дела. Я не знаю, подслушивала ли она у двери, или это просто было совпадением, но она сразу же объявила:

– Эта пациентка должна начать заниматься с вами только с завтрашнего дня. В ее карте была ошибка.

Ян перевел взгляд с меня на нее.

– Спросите Майлза, если хотите. Она должна оставаться в постели еще день.

Он окинул нас обеих подозрительным взглядом, словно мы с ней сговорились. Но, в конце концов, сказал:

– Хорошо, значит, завтра.

И вышел из палаты.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – сказала Нина, в то же время что-то печатая на компьютере. –

Они не могут заставить вас заниматься с этим типом. Я уже сказала им, чтобы они дали вам кого-нибудь другого.

– Что? – спросила я. – Он настолько плох?

– Он не плох, – ответила она, – но он не для вас.

– Не для меня?

Она не отрывала взгляда от экрана компьютера.

– Просто он не добрый. Он жесткий. Безжалостный. Непреклонный. Некоторым именно такой и нужен. Но не вам. Мы подберем вам кого-нибудь другого. Вам и без того досталось.

В другой день я, возможно, могла бы начать расспрашивать о нем. Но кому есть дело до бессердечного типа? Кому вообще есть какое-либо дело до чего-нибудь?

– Нина? – спросила я ее.

Она продолжала что-то печатать.

– Что, солнышко?

– Мой пьяный жених пришел сюда сегодня утром и сказал мне, что я больше никогда не смогу ходить.

Нина подняла голову.

– Это правда? – спросила я.

По ее лицу я поняла, что да.

Но я все равно ждала чего-то еще. Чтобы она подбодрила меня или дала хоть малейшую надежду. Но она лишь глубоко вздохнула и молчала настолько долго, что это было плохим знаком.

– На это вам... – я сразу же поняла, что она скажет дальше, и вместе с ней дуэтом закончила фразу: —...может ответить только ваш доктор.

Глава 6

Так начался самый странный день в моей жизни. Ну, по крайней мере, один из самых странных.

Я хотела больше всего именно того, чего я больше всего не хотела.

Мне отчаянно хотелось остаться одной, чтобы переварить то, что сказал мне Чип. И в то же время мне так же отчаянно не хотелось что-либо переваривать или снова оставаться одной. Мне нужна была передышка, но и ее я боялась. Так что я провела день, пытаюсь отключить мозг и остаться с пустой головой. Душа требовала свежего воздуха, но мозг отказывался слушать ее. И я страшно боялась ночи, когда меня ничто не сможет отвлечь от любых страшных мыслей, которые без моего разрешения будут приходить мне в голову.

Родители удивили меня, появившись к обеду с мексиканской едой из моего любимого ресторана. Я даже не осознавала, что уже настало время обеда. Они улыбались с предвкушением, словно порция фахита³ сразу же все исправит. Но я не прикоснулась к еде. Меня тошнило от лекарств, но я все равно поблагодарила их. Даже еда не приносила мне радости. Папа доложил мне, что отвез Чипа домой. По дороге того два раза вырвало – в первый раз в окно, а во второй раз прямо на приборную панель. Его родители ждали у входа и сразу же повели в его комнату, чтобы он проспался.

– Бедный Чип, – сказала мама. – Я надеюсь, что они предложили ему оплатить ремонт самолета.

Бедный Чип? Это его следовало жалеть?

– Он не слишком хорошо справляется с ситуацией, – сказал папа.

– Иногда мне кажется, что окружающие больше беспокоятся о нем, чем о тебе, – заметила мама, словно мы вели пустой светский разговор.

– Мне не нужно, чтобы они беспокоились обо мне, – ответила я.

Я сама беспокоилась о себе. И этого было достаточно.

– Он не должен был говорить тебе то, что он сегодня сказал, – продолжал мой папа.

– Он сообщил мне, что я похожа на пиццу. Это правда?

– Нет, малышка, – ответил папа, но мама отвела глаза в сторону.

– Я хочу посмотреть на себя, – сказала я. Поймав мамин взгляд, я попросила: – Можно одолжить у тебя складное зеркало?

Но она покачала головой, и я по опыту знала, что это означало *ни за что*.

– Ты еще к этому не готова.

О'кей. Может быть, она была права. Может быть, на сегодня я узнала достаточно. Перейдем к следующему вопросу. К тому, который мне не хотелось задавать. Я сделала долгую паузу. Сделала глубокий вдох. И, наконец, сказала:

– Он также сообщил мне, что я парализована.

Моя мама слегка выпрямилась.

– Это правда?

Папа с грустным видом пожал плечами.

– Скажем так, очень хорошо, что наша страховка все еще распространяется на тебя.

Мама настаивала, чтобы я была застрахована вместе с их сотрудниками до тех пор, пока не устроюсь на работу, хотя страховые взносы у них были довольно большими. Мы спорили с ней по этому поводу не один раз.

Меня бесило, когда она оказывалась права.

– Что это означает? – спросила я, повернувшись к маме, которая была смелее папы.

---

³ *Фахит* – блюдо мексиканской кухни, завернутое в лепешку мясо с овощами.

Она глубоко вздохнула:

– По словам доктора, только время покажет. Понадобится шесть недель, чтобы кость срослась и спал отек в позвоночнике. Тогда можно будет оценить нанесенный ущерб. А сейчас именно отек может блокировать нервные окончания. Возможно, когда отек спадет, нормальные функции позвоночника восстановятся.

Я внимательно посмотрела на стоическое выражение их лиц.

– Возможно, – сказала я, – но маловероятно.

– Да, маловероятно, – ответила мама. – Доктора радует, что в некоторых участках позвоночника сохранилась чувствительность. Но в некоторых нет. Но он также сказал, что в таких случаях случаются всякие чудеса. Он говорит, что иногда люди, которые, по мнению врачей, больше никогда не сделают ни шага, заканчивают тем, что участвуют в марафонах.

– Или демонстрируют нижнее белье, – проронила я механически.

– Именно, – кивнула мама, словно это было бы замечательным занятием для меня.

– Так что мы просто ждем, – пояснил папа. – Выполняем все указания врачей и ждем.

Мама все еще не могла посмотреть мне прямо в глаза.

– Но главное, – сказала она, не отрывая взгляда от своего салата, – это настрой.

Я поморщилась, словно говоря: «Неужели?»

– А мне показалось, что все дело в отеке и повреждении нервных окончаний.

Но мама не отступала:

– Ты должна верить в то, что поправишься. Ты должна приложить все усилия и не сдаваться. Сегодня утром я видела во дворе мать Чипа и сказала ей, что к лету ты будешь как новенькая.

Мы с папой уставились на нее.

– Ты не могла это сказать, – пробормотал папа.

Мама выпрямилась на стуле.

– Как раз сегодня утром я видела документальный фильм про мотокросс. Один из велосипедистов просто не мог допустить, чтобы повреждение позвоночника помешало ему заниматься любимым спортом. Он сломал шею, Маргарет! – Она подняла руку и указала на точку на своей шее, все еще избегая смотреть мне в глаза. – Врачи сказали, что он не сможет даже есть самостоятельно! А сейчас он разъезжает на велосипеде от одного побережья до другого, собирая деньги на благотворительность. И планирует записать альбом песен в стиле «кантри».

– Это очень вдохновляет, – сказал папа, – но еще ни о чем не говорит, Линда. Если ты ломаешь ногу, ты не можешь заставить себя поверить, что она не сломана.

– Но человеческое тело *может* восстанавливаться, – объявила мама, словно выигрывая спор.

– Да, но позвоночник – это совсем другое дело, – терпеливо сказал папа. – Помнишь, что сказал доктор? Когда нервные окончания повреждены, они не восстанавливаются.

– Не понимаю, почему бы и нет.

Папа посмотрел на меня. Мы оба едва заметно покачали головами.

– Но они могут быть и не повреждены, – уверял он меня. – Они могут быть просто зажаты. Твоя задача состоит в том, чтобы отдыхать, принимать назначенные лекарства и делать все, что тебе здесь говорят. Нам остается лишь ждать, что будет дальше.

– И верить, что ты на двести процентов выкарабкаешься, – добавила мама.

Она заезжала в мой дом и привезла мне мой лэптоп, книгу, которую я читала, несколько пар ворсистых носков, мою светло-голубую вышитую наволочку и нелепые сандалии на высоком каблуке, которые, по ее мнению, могут подбодрить меня. Но, разумеется, они возымели обратное действие.

Но я не хотела включать ноутбук, или читать книгу, или даже смотреть на сандалии. Я не хотела видеть ничего из своей прошлой жизни.

– Твой мобильный разбился во время катастрофы, – сказала мама, – и сгорел вместе со всем остальным. Так что я остановилась около магазина и купила тебе другой.

Она вручила мне телефон и протянула папе провод для зарядки, чтобы он воткнул его в розетку. И мы стали наблюдать, как он ищет розетку.

– И твое кольцо тоже не смогли найти, – спустя некоторое время добавила мама.

– Какое кольцо?

При этих словах мама внимательно посмотрела на меня впервые за весь день.

– Твое обручальное кольцо! – сказала она, словно желая добавить «бестолочь».

Потом продолжила:

– Чип сообщил нам приятную новость, пока ты была в операционной.

Приятная новость! Я посмотрела на свою руку. Я уже забыла, что на ней когда-то было кольцо.

– Наверное, оно свалилось с руки во время крушения.

Я кивнула:

– Оно было очень велико мне.

– Очень жаль, – сказала мама, наклоняясь над своей сумкой, чтобы достать из нее еще кое-какие вещи. – Это было кольцо его бабушки. Незаменимая потеря.

Она вытащила из сумки фотографии в рамках. Она привезла мне две из трех, которые стояли на моем туалетном столике. На одной из них были запечатлены мы с Чипом, когда ездили автостопом в Скалистые горы. На другой я была заснята с родителями, когда мы спускались по канатной дороге. На третьей фотографии были мы с Китти. Мы были еще маленькими, одетыми, как ковбои, в шляпах и банданах. Эта фотография была сделана еще в те годы, когда я обожала сестру. То фото мама не привезла.

Мама и моя сестра не ладили между собой.

Я хочу сказать, по-настоящему не ладили.

На самом деле, я подозреваю, что именно мама являлась причиной того, что Китти игнорировала нас все эти три года.

Мама была последней, кто видел Китти перед тем, как она уехала и не вернулась. Три года назад родители устраивали вечеринку на Четвертое июля. Китти пила весь вечер, как она часто делала, и шумела, бузила и нарывалась на неприятности. А потом словно «случайно» столкнула маму в бассейн. При этом она так хохотала, что упала в одно из плетеных кресел и оставалась там до тех пор, пока мама не вылезла из бассейна, насквозь промокшая, со стекающими с нее струями воды. Мама потащила Китти в дом, на второй этаж, чтобы разобраться с ней.

Пока их не было, я взяла на себя роль хозяйки, все время при этом поглядывая на дверь дома. Но когда спустя долгое время мама снова появилась, она была сухой, одетой в другую одежду, но Китти рядом с ней не было.

– Где Кит? – спросила я, но она не ответила.

На самом деле она так и не рассказала мне ничего. И до сих пор я не знаю, что произошло между ними тем вечером. Мне известно лишь, что скандал был грандиозным. На следующий день Китти прислала мне электронное письмо, в котором говорилось, что она переезжает в Нью-Йорк и хочет *отдохнуть* от семьи. Я пыталась выяснить, где она, но она мне так и не сказала. Я не верила, что она на самом деле не вернется. Но она так и не вернулась.

И я не верила, что это продлится долго, но я ошиблась.

Она уехала и отряхнула прах со своих ног. Она порвала со всеми нами. Мама никогда не пробовала связаться с ней, но я пыталась. И папа тоже. Но наши электронные письма, сообщения и звонки оставались без ответа.

Вся эта ситуация поначалу ошарашила меня. Мама и Кит никогда особо не ладили, и я это знала. Мне было также известно, что мама всегда была с Кит строже, чем со мной. Но вот

так просто исчезнуть? Игнорировать нас всех? Не появляться ни на День благодарения, ни на Рождество? Ни на дни рождения? Это было уже слишком.

Года полтора я снова и снова пыталась связаться с ней, но безуспешно. А потом мне это надоело. Я перестала думать о том, что же такое мы сделали, чтобы она бросила нас. И меня просто стал злить сам факт ее исчезновения. В какой-то момент ты перестаешь пытаться исправить ситуацию. Через какое-то время одно только то, что кто-то злится на тебя, вызывает ответную злость. Чем больше времени проходило, тем сильнее я злилась на нее, и, сама не замечая как, я вступила в союз с мамой. Я просто обиделась на сестру, но никогда не говорила, за что.

Мой добрый папа был единственным из нас, кто все еще надеялся, что она решит связаться с нами.

– А фотография с Китти? – спросила я не потому, что была удивлена, а для того, чтобы привлечь внимание к моему союзу с мамой в этом вопросе; это был способ воспользоваться случаем и подчеркнуть нашу близость.

Мама закатила глаза, тоже как бы демонстрируя наше с ней взаимопонимание.

– Ох, пожалуйста!

Но упоминание о Китти сразу же привело к следующему вопросу.

– Кто-нибудь сообщил ей о случившемся? – спросила я.

– Нет, – сказала мама, и в то же время отец сказал:

– Да.

Мы с мамой устали на него.

Папа кивнул.

– Я послал электронное письмо с пометкой «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В СЕМЬЕ».

Мама посмотрела в сторону:

– Я удивлюсь, если она ответит.

– Китти ответила, – сказал папа, – а потом села в самолет и прилетела домой.

– Она *здесь*? – спросила мама.

Папа кивнул:

– Она несколько раз заходила в отделение интенсивной терапии. – Потом он посмотрел на маму. – Когда тебя здесь не было.

Я покачала головой:

– Я не помню, чтобы она была здесь.

– Тебя напичкали лекарствами.

Мама посмотрела на отца так, как всегда смотрела, когда он делал что-то плохое, по ее мнению:

– Ты не оплачивал ее авиабилет, не так ли?

Но папа проигнорировал ее.

– Сестра хочет навестить тебя, – сказал он мне. – Но она не хочет расстраивать тебя или создавать проблемы. Могу я передать ей, что она может прийти?

Судя по выражению его лица, он был абсолютно уверен, что я скажу «хорошо». Но я покачала головой. Я решила, что это мне не по силам. Снова встречаться с Китти после стольких лет конфронтации. Я была не в том состоянии. У меня и так было достаточно проблем. Одна только мысль о том, чтобы увидеться с сестрой, приводила меня в уныние.

– О'кей, – кивнул папа. – Я тебя понял. Скажу, что ты еще не готова к встрече с ней.

– Просто скажи ей, чтобы она возвращалась в Нью-Йорк, – сказала я. – Я долго еще буду не готова видеть ее.

У мамы на лице было такое выражение, которое появлялось всякий раз, когда ей хотелось накричать на отца, но она сдерживалась ради детей. Я не завидовала ему, представляя, что она выскажет ему по пути домой.

– Спасибо, что ты потратила столько времени, чтобы заехать ко мне и привезти мне все эти вещи, – сказала я, чтобы немного подбодрить ее.

– Не за что, – ответила она.

При этом мама пожала плечами, словно говоря: «Да, я потратила много времени, но я всегда готова на жертвы ради дочери». И она собиралась сделать еще одну поездку ко мне домой, чтобы привезти мне складные стулья, «чтобы всем, кто навещает тебя, было на чем сидеть».

– Меня никто не навещает. И я не хочу видеть никаких посетителей.

– Ну, хотя бы самых близких друзей? – спросил папа, как бы призывая меня быть благодарной.

– Никаких друзей. Никого.

– Солнышко, – сказала мама, – у нас телефон раскалится от звонков. Столик в холле завален визитными карточками. Люди захотят увидеться с тобой.

Я должна была с благодарностью ответить, как это мило со стороны наших знакомых так беспокоиться обо мне. Но вместо этого заявила:

– Мне наплевать.

– Мы не можем поставить баррикаду при входе в больницу.

Но папа вмешался:

– Мы можем поговорить с медсестрами. Сказать, что она не готова принимать посетителей.

Мама нахмурилась:

– Но во всех книгах пишут, что нельзя позволять им изолироваться от общества.

О боже! Она читала «литературу». Дела обстояли хуже, чем я предполагала.

– Мне просто нужно некоторое время, – сказала я, пытаюсь привлечь ее на свою сторону.

И более правдивых слов никогда не произносилось. Если бы мне нужно было составить список того, чего я хотела в тот момент, то мои друзья, которые жалели бы меня, судили бы, сплетничали бы и делали бы разные прогнозы, оказались бы на последнем месте. Я не хотела, чтобы кто-нибудь еще думал о том, о чем думала я. Я не хотела, чтобы кто-то еще узнал обо всем ужасе моей ситуации. Я не хотела быть предметом телефонных разговоров или посиделок. Я находилась здесь не для того, чтобы дать пищу для обсуждений другим людям.

Я увижусь с ними – *возможно* – тогда, когда мне самой этого захочется, если это вообще произойдет.

Что оставило маме лишь одно занятие – декор палаты. После того как она, наконец, капитулировала перед моей установкой «Никаких посетителей», она заставила нас с папой обсуждать другую тему – позволит ли персонал больницы принести несколько торшеров. А потом, как она сообщила, она заедет в хозяйственный магазин и купит палку для штор и, возможно, декоративные подушки для подоконника.

Так мама проявляла свою любовь – через интерьер. Она сердито смотрела на серо-сиреневые шторы, словно они по-настоящему могли навредить нам.

– Не кажется ли тебе, что, глядя на этот материал, хочется заплакать?

Я покосилась на шторы:

– Не уверена, что дело в материале.

– Этот материал, – продолжала мама, обвиняющим пальцем указывая на шторы, – просто преступление против человечества.

Мы с папой были не настолько глупы, чтобы спорить с ней. Если бы моя мама правила миром, все тюрьмы были бы заполнены только гражданами с плохим вкусом.

Вскоре родители ушли, прихватив принесенные утром погрузневшие круассаны, чтобы отдать их медсестрам после того, как я объявила, что никогда их не ем. А я решила всего на секундочку закрыть глаза и заснула мертвым сном. Никогда бы не подумала, что просто лежать в постели может быть таким утомительным занятием.

Я спала до тех пор, пока не пришла моя врач-реабилитолог, Прайя. Она хотела, чтобы я пошевелила пальцами ног. Она также захотела, чтобы я попробовала самостоятельно перебраться из кровати в кресло на колесиках. Она сказала, что чем скорее я научусь это делать, тем скорее смогу сама добираться до туалета, а чем скорее я буду добираться до туалета, тем быстрее они удалят катетер из мочевого пузыря, чтобы посмотреть, смогу ли я самостоятельно писать.

И она заставила меня перебираться из кровати в кресло и обратно дважды.

Я продолжала ждать появления Чипа. Весь день, когда открывалась дверь, я ожидала увидеть его – по меньшей мере, с цветами, рассыпающимся в извинениях и полным желания подбодрить меня. Но он так и не пришел. Может быть, он все еще был у родителей и отсыпался. И ради него самого я надеялась на это.

На поверхности вся эта деловая активность в больнице казалась очень жизнерадостной. Все, с кем я сталкивалась, были доброжелательными людьми, и они держались так, словно ничего необычного в мире не происходило. Но я сильно подозревала, что все это было лишь притворством. Я знаю точно, что я сама все время притворялась. Я держалась спокойно, была вежлива со всеми, безропотно принимала лекарства, но правда заключалась в том, что я проснулась в антиутопическом мире. Он был так отличен от привычного, что даже краски в нем казались выцветшими, словно на старой фотографии.

Так это выглядело, и так я себя чувствовала.

Я не могла представить, каким будет мое будущее, и я не могла – не хотела – даже думать о прошлом. А под «прошлым» я подразумевала то, что случилось десять дней назад. Остальное мое прошлое даже не поблекло – оно просто было отрезано. То, кем я была, что я делала, на что надеялась – это все исчезло.

А такие вещи очень отражаются на восприятии действительности.

К вечеру я настолько устала, что надеялась спокойно проспать всю ночь. Усталость – это друг печали. Я была в таком состоянии, когда дрема окутывает вас и погружает в сон, даже не оставляя вам выбора. И в тот момент, когда я сдалась и закрыла глаза, дверь снова открылась.

На пороге стояла моя сестра Китти. С чемоданом.

Глава 7

Китти замешкалась у двери.

– Я знаю, ты сказала, что не хочешь, чтобы я приходила, – пробормотала она, слегка помахав мне рукой в приветствии. – Но я все равно пришла. Как видишь.

Я просто тупо смотрела на нее.

Она все еще стояла на пороге. Ждала моего разрешения войти, которое я не была готова ей дать.

Три года. Три года, в течение которых она не отвечала ни на письма, ни на звонки. Три года пустоты, и вот теперь она появилась.

Она очень изменилась с тех пор, как я видела ее в последний раз. Теперь у нее были короткие волосы, торчавшие во все стороны, и они были выкрашены в яркий желтый цвет. Прежде она носила волосы до плеч, и они были темно-каштановыми. В ушах у нее были огромные кольца. На лице отсутствовал макияж, за исключением ярко-красной помады. А в носовую перегородку было вставлено кольцо, как у коровы.

Но, конечно же, я сразу ее узнала. Даже по прошествии стольких лет.

– Славное у тебя кольцо в носу, – сказала я.

– Так что, могу я войти? – спросила она.

– Не знаю, – ответила я.

Я не была уверена, что готова к этому.

– Всего лишь на минутку, – пообещала она.

– Я очень устала.

– Просто хотела сказать тебе «привет».

Она была напряжена, словно стояла на краю крыши высокого здания, а не на пороге моей палаты.

Я была так же напряжена. И одновременно удивлена, неуверена и раздражена. Она могла заранее позвонить, разве нет? По крайней мере, дать мне знать, что она собирается прийти. Разве было необходимо вот так, тайком проникать ко мне? У нее было три года, чтобы связаться со мной, и она ждала до тех пор, пока я буквально не могла уклониться от встречи с ней. Это было слишком. Внутренний голос советовал мне прогнать ее.

Но я не могла.

Часть меня хотела, чтобы Китти осталась. Гораздо большая часть, чем я ожидала.

– Хорошо, – вымолвила я, не спуская глаз с ее лица.

Она поставила на пол свой чемодан и подошла к моей кровати.

– Привет, – произнесла она.

– Папа сказал, что ты в городе.

Сестра кивнула.

– Ты с ним виделась?

Она снова кивнула.

– А маму видела?

Она покачала головой.

– А собираешься с ней увидеться? Прежде чем снова уедешь?

Китти криво улыбнулась.

– Я набираюсь храбрости.

Я не знала, что сказать. На самом деле я даже не знала, с чего начать. Видеть ее было одновременно и странно, и вовсе не странно. Конечно же, она должна была быть здесь. Она же была моей сестрой. Но все равно, это было то же, что видеть ожившую фотографию.

– Ты выглядишь лучше, – сказала она.

– Мама говорит совсем другое.

– Иногда она просто стерва.

Она не ошибалась.

– Это правда, – согласилась я.

– И лгунья, – добавила Китти.

Я нахмурилась:

– А вот в этом я не уверена.

Кит решила сменить тему:

– Как ты?

– Не уверена, что существуют слова, способные описать мое состояние.

Она пожала плечами, словно говоря: «Понятно». Потом сделала вторую попытку:

– Как ты себя чувствуешь?

– Физически? Или эмоционально?

– И то, и другое.

Но я не хотела делиться своими переживаниями. Говорить о таких вещах можно лишь с близким человеком, а она уже давно разрушила нашу близость.

– Почему ты с чемоданом? – спросила я.

– Я просто подумала, что могу приходить к тебе переночевать. Ну, понимаешь, когда здесь нет мамы.

Я посмотрела на складное кресло. Предположительно его можно было превратить в кровать, но я не представляла, как это делается.

Я покачала головой:

– Нет.

– Что «нет»?

– Нет, ты не должна оставаться здесь.

– Разве тебе не нужна компания?

– Только не твоя.

Она слегка нахмурилась:

– Ты злишься на меня?

Я посмотрела в сторону:

– Просто странно видеть тебя. Моя жизнь и без того сейчас достаточно странная.

– Я хочу помочь тебе.

– Понимаю, но ты не помогаешь. Ты только все ухудшаешь.

Она не ответила. Было очевидно, что такое ей в голову не приходило.

– Хочешь знать, у кого я остановилась? – спросила Китти через некоторое время с напускным оживлением. И прежде чем я сказала «нет», продолжила: – У Толстяка Бенджамена. С которым училась в старших классах. Ты помнишь его?

Это было ее классическим приемом: притворяться, что все прекрасно, пока окружающие не забудут, что это не так. И она пыталась применить этот прием ко мне.

Я не отвечала.

– Помнишь, как он подвозил меня домой на своем драндулете с выбитым задним стеклом, заклеенным пакетами для мусора?

– Разве ты не назвала его только что «Толстяком Бенджаменом»?

– Все его так называют.

– Мне это кажется обидным.

– Он не обижается. И он не такой уж толстый. Он в свое время был без ума от меня, но я никогда не обращала на него внимания, потому что он был одутловатым и носил странную прическу. Но теперь он уже не то чтобы толстый, а просто пухленький. И очень славный! Он стал намного симпатичнее! Или, может быть, я стала не так требовательна. В любом случае

я сейчас живу у него, сплю на раскладушке, но я вижу, что по-прежнему нравлюсь ему. И я уверена, что очень скоро окажусь в его постели, если не уберусь оттуда.

Я избегала ее взгляда. Это что, было ее объяснением, почему она хочет ночевать у меня? Чтобы случайно не трахнуть с парнем, которого зовут Толстяком Бенджаменом?

Она пожала плечами:

- Поэтому вместо этого я хотела ночевать здесь.
- Больше не проси меня об этом.
- Я и не прошу! Я просто сказала, что *хотела*.
- Мы не всегда получаем то, чего хотим.
- Я просто подумала, что спать с ним будет плохой идеей.
- Тогда не спи.

Она пожала плечами:

- Я плохо умею говорить «нет».

Но я посмотрела ей прямо в глаза:

- Ну что ж, зато я умею хорошо это говорить.

Я не могла допустить, чтобы сестра вот так запросто снова вторглась в мою жизнь после всех этих лет и попыталась заставить меня обсуждать ее парней! Я не могла допустить, чтобы она вот так заявила ко мне, рассчитывая начать все с чистого листа.

- Извини, – сказала я, – но я очень устала, так что...

– Ничего, – ответила Кит, пропуская намек мимо ушей. – Я принесла с собой несколько журналов.

Я покачала головой:

- Тебе лучше уйти.

Она шагнула ближе ко мне:

- Я бы очень хотела остаться.

Но я только покачала головой. А потом отвернулась от нее. И, наконец, она сдалась и ушла.

Глава 8

На следующее утро я узнала кое-что новое о своей палате. Здесь была потрясающая акустика.

Это произошло после того, как закончился обыкновенный утренний ритуал: меня обтерли губкой, потом я почистила зубы, сплевывая в судно, затем приняла лекарства, мне поменяли катетер, далее последовал завтрак из овсяной каши и желе и занятия с Прайей. Она три раза заставила меня с невероятным трудом пересаживаться в кресло и обратно и дважды заставила попробовать пошевелить пальцами ног, что мне не удалось сделать.

Дверь палаты находилась рядом с сестринским постом. И в первый раз я обратила внимание на то, что слышу голоса сестер, обсуждающих лекарства и назначения врачей. Я даже могла слышать, как кто-то стучал по клавиатуре. И как кто-то сказал, что сбегает за кофе. Санитар попытался флиртовать с одной из медсестер, но она его быстро заткнула.

А потом я услышала голос Нины, который был немного громче, чем у остальных:

– Мне нужно поговорить с тобой об этом назначении.

Немного гнусавый мужской голос ответил:

– Хорошо, валий.

– Ты назначил эту пациентку заниматься с Яном.

– Да.

– Я же писала в ее карте, что ей нужен кто-то другой.

– Я видел твои пометки.

– И просто проигнорировал их?

– Послушай, у Яна сейчас есть свободное время.

– Да. И на это есть свои причины.

– Ты хочешь сказать, что Ян недостаточно компетентен, чтобы работать с этой пациенткой?

– Я говорю, что он просто ей не подходит. И я уверена, что ты и сам это знаешь. Я не перестаю подозревать, что ты надеешься, что он наломает дров.

– Что ты имеешь в виду, Нина?

– Именно то, что говорю, Майлз.

Ух! Этот Майлз был просто козлом!

– Ты думаешь, что я хочу подставить Яна? Ты думаешь, что я принесу в жертву благополучие пациента, чтобы все увидели, как он сядет в калошу?

– Да.

– Знаешь, мне нет нужды этого делать. Этот парень – бомба с включенным часовым механизмом. Он и без моей помощи взорвется.

Но Нина стояла на своем:

– Только не с моей пациенткой. Она и так на грани срыва. Она только что *обручилась*. И все потеряла. Ей нужен кто-то добрый и понимающий. Эйприл или даже Роб.

– Я не собираюсь переделывать весь график из-за одной пациентки.

Нина повысила голос:

– Ей нужен кто-нибудь другой.

– Все другие уже заняты. А у него есть свободные окна.

– Значит, поменяй график.

Но Майлз, который, наверное, был в некотором роде ее боссом, явно не любил, когда ему перечили. Последовало молчание, и я буквально чувствовала, как он ошетинился:

– Это не твое дело, а мое. И если ты будешь доставлять мне неприятности, я буду доставлять неприятности тебе. График останется таким, как был.

Должно быть, после этих слов он ушел, потому что спустя несколько секунд сестры начали бурно обсуждать его. Я слышала слова «ревнует», «мания величия» и «маленький Наполеон». Меня это могло бы рассмешить, если б я была все еще способна смеяться. Если бы не было ясно, что пациентка, о которой она говорила – та, которая *потеряла все*, – была я.

И тут я услышала шотландский акцент:

– Я пытался поменять график, если тебя это утешит. Я говорил вчера с Майлзом.

– Ты плохо пытался.

– Он никогда не идет мне навстречу.

– Но ты прежде никогда ему не уступал.

– Но прежде он и не был боссом.

Нина сказала сдержанно:

– Тебе следует быть с ней помягче, Ян.

Ян так же сдержанно возразил:

– Мягкость не делает человека сильнее.

А спустя две секунды дверь моей палаты открылась.

– Пора начинать занятия, Мэгги Якобсен, – сказал Ян, избегая смотреть мне в глаза.

Он подкатил кресло к моей кровати.

– Я Маргарет, – сказала я. И когда он не ответил, повторила: – Меня зовут Маргарет.

– Вы не выглядите как Маргарет, – совершенно серьезно сказал он.

– Это не вам решать, не так ли?

– О'кей, Мэгги. Как скажете.

Он взял специальную доску, опустил мою кровать и ручку кресла, а потом положил доску между ними, как маленький мост.

Потом он повернулся и направился к двери.

Что? Куда он пошел? Он что, разозлился на меня из-за «Маргарет»? Он что, действительно был бомбой? Он что, собирался взорваться?

– Разве вы не поможете мне?

Он остановился, но не обернулся.

– Нет. Нажмите кнопку вызова сестры, когда будете готовы.

И я осталась одна. Только я, доска и кресло. Да, и еще трубка катетера, которая свисала сбоку и была прикреплена к бедру пластырем.

Если вы думаете, что передо мной стояла гигантская проблема, вы не ошиблись.

Я нащупала ручку, с помощью которой можно было менять положение моей кровати, и кое-как подняла спинку и села. Потом стала потихоньку перемещаться ближе к доске. Мои больничные трусы зацепились за перильца кровати, но я кое-как отцепила их. Замерев на краю кровати, собираясь переместиться на доску, туда, где подо мной не было ничего, кроме твердого больничного пола, я впервые после катастрофы испугалась. На самом деле, я вообще впервые что-то *почувствовала*. Я сидела, с трудом переводя дыхание и размышляя над тем, почему моим первым чувством не могла быть радость.

Я еще придвинулась к доске, опираясь на ладони. Мои мышцы атрофировались, это правда, но они все еще функционировали. Но тяжесть мертвых ног не давала сохранять равновесие. Я немного покачнулась и ухватилась за перильца. Кресло находилось на расстоянии примерно двенадцати дюймов, но для меня это было как сто метров. Я долго оценивала это расстояние, потом переместилась на дюйм, потеряла равновесие и наклонилась вперед. Потом сдвинулась еще немного. И еще. А потом заметила, что на одежде появились два мокрых пятнышка. И только в этот момент я осознала, что мне только казалось, что я стараюсь сконцентрироваться. На самом деле, я просто плакала. Возможно, уже давно.

Я решила сделать передышку, остановившись посреди доски.

И в этот момент в палату вошел Ян.

– Господи, вы все еще не закончили? Я успел выпить чашку кофе и прочитать газету!

Если бы это был кто-нибудь еще, все было бы по-другому. Если бы мы были друзьями, если бы он был на моей стороне, это можно было бы расценить как попытку добродушно поддразнить меня. Но на самом деле он был просто злобным незнакомцем.

Я подняла голову, и, когда он увидел мое лицо – без сомнения мокрое от слез, – я заметила, как на секунду его собственное лицо смягчилось, но потом снова стало суровым и непреклонным. Он положил руки мне на плечи.

– Я держу вас, – сказал он. – Продолжайте.

С помощью Яна дело пошло намного быстрее, и уже вскоре я катила за ним по коридору к физкультурному залу. Я попыталась вспомнить, случалось ли мне когда-нибудь прежде находиться в обществе человека, с которым я чувствовала бы себя такой одинокой. Он не разговаривал. Не смотрел на меня. Можно было подумать, что он просто отправился на прогулку сам по себе.

Он открыл дверь и остановился, чтобы пропустить меня вперед. Я подумала, что это очень мило с его стороны, пока он все не испортил.

– Нет, – сказал он, когда я проехала мимо него, – ваша техника никуда не годится.

Он казался раздраженным, словно мы уже тысячу раз обсуждали это.

– Я не знала, что существует специальная *техника*, – ответила я, – я вообще в первый раз делаю это, так что...

– Никто не показал вам, как пользоваться инвалидным креслом?

Я покачала головой.

– Боюсь, что я только начинающий инвалид, – слабо попыталась я пошутить.

Он не улыбнулся. Вместо этого он наклонился, посмотрел мне в глаза, а потом сжал руками мои бицепсы. Потом, с таким видом, будто сообщает мне жизненно важную и глубоко засекреченную информацию, сказал:

– Руки – это не то же самое, что ноги.

Я с деланным удивлением посмотрела на него, словно говоря: «Неужели?»

– Не может быть.

– Я имею в виду, – продолжал он с серьезным видом, – что они не могут выдерживать ту же нагрузку, что и ноги. Вам нужно быть осторожной, чтобы не перенапрячь их.

– Не похоже, что у меня есть выбор.

– В целом вы правы, – согласился он. – Но все дело в деталях. Поэтому и существует техника перемещения в коляске. – Он накрыл ладонью мою руку, и я заметила, что его рука была теплее, чем моя. Потом он положил мою руку на обод колеса. – Вместо того чтобы отталкиваться понемногу десять раз, – сказал он, – оттолкнитесь один раз, но сильно, а потом расслабьтесь.

Он отвел мою руку назад, и я крепко сжала обод колеса. Потом он с силой толкнул меня вперед, и я покатила по коридору с такой скоростью, что испугалась. От испуга я схватилась за колесо, чтобы остановиться, и немного содрала кожу на ладони.

Он посмотрел на мою руку и сказал:

– Вам понадобятся перчатки.

После этого он стал учить меня поворачиваться, вращаться на месте и приподнимать передние части колес.

– Разве поднимать колеса будет необходимо? – спросила я.

– Да, – сказал он, не объясняя зачем.

– Почему? – настаивала я.

– Потому что вы должны уметь управлять своими колесами.

– Зачем?

– Потому что вы должны уметь справляться с любыми препятствиями.

– Например, гонять по пересеченной местности?

Он внимательно посмотрел на меня:

– Скорее для того, чтобы преодолевать ступеньки. Или выбоины. Или бордюры. – Он отвернулся. – Если вы соберетесь куда-то отправиться, вам необходимо знать, как управлять своим креслом.

– Я не захочу никуда отправляться.

– Еще как захотите, – сказал он и пошел вперед по коридору – высокий, сильный, крепко сложенный. Он был в такой отличной форме, что в этом было даже что-то неприличное. Голубые брюки так облегали идеальный зад, что у любой женщины при виде него сердце забилось бы сильнее. Он был совершенным представителем человеческого рода. Я не то чтобы сравнивала себя с ним, но, просто находясь рядом с таким воплощением силы и здоровья, чувствовала себя еще более слабой и беспомощной. И я отвернулась.

Наши упражнения с креслом привели к тому, что в физкультурный зал мы попали на несколько минут позже назначенного времени. И это, похоже, вызвало у Яна раздражение.

– Ну вот, теперь мы опоздали, – сказал он, глядя на часы с таким видом, словно я была в этом виновата.

Словно это имело значение.

Я огляделась по сторонам, пока он собирал кое-какое оборудование. Если бы я была в состоянии восхищаться чем-либо, я пришла бы в восторг при виде этого физкультурного зала. Там были всевозможные тренажеры и игры. Баскетбольное кольцо, кольцоброс, игровые автоматы и разнообразные тяжести, как в тренажерном зале. Стены были зеркальными. Там был вертикализатор⁴ и страховочная привязь. И еще мини-батут, лежащие велосипеды и даже целый автомобиль, выкрашенный в ярко-голубой цвет и предназначенный, по-видимому, для того, чтобы учиться залезать в машину и вылезать из нее. И вдобавок ко всему в зале играла приятная ритмичная музыка.

Раньше я захотела бы обследовать это все, но теперь я просто сидела в кресле, как мешок с картофелем.

Ян написал мое имя на большой белой доске, на которой значились имена всех пациентов и их «цели». Рядом с ними были нарисованы смеющиеся рожицы и написаны подбадривающие высказывания. Пока я ждала, я наблюдала за другими тренерами. Все они, без исключения, были жизнерадостными и оптимистично настроенными. Они громко смеялись и называли своих пациентов «чемпионами». Они уговаривали. Подбадривали. Одобряли. Пели под музыку.

Один парень с косичкой, которого, как я узнала позже, звали Роб, работал с восьмидесятилетней старушкой, которая стояла на ходунках. Хотя и явно не флиртуя с ней, он уделял ей столько внимания, что она просто цвела. А женщина-тренер, Эйприл, стояла около мужчины лет сорока, сидящего в инвалидном кресле. Он бросал мяч в баскетбольное кольцо, и она горячо одобряла каждый бросок. Все было так, словно я попала на большую дружескую вечеринку. Люди двигались, разговаривали, подбадривали друг друга. И хотя пациенты были более сдержанными и сосредоточенными, их тренеры оставались неизменно жизнерадостными.

Все, кроме моего.

Я посмотрела на Яна. Он хмурился, выставив вперед нижнюю челюсть. Он был таким серьезным, таким мрачным, таким далеким от веселья, словно над головой у него висела надпись: «Я раздражен».

Неудивительно, что в его графике есть свободные окна, подумала я.

---

⁴ *Вертикализатор* – вспомогательное устройство, позволяющее людям с ограниченными возможностями и пациентам в период реабилитации после травмы принимать вертикальное положение с целью профилактики негативных последствий длительного пребывания сидя или лежа.

– Снова опоздал, Ян, – услышала я.

Это был гнусавый голос. Я уже слышала его, когда его владелец разговаривал с Ниной. Я обернулась, чтобы посмотреть на этого Майлза, направлявшегося к нам. У него оказались коротко постриженные волнистые рыжие волосы, резко дисгармонизировавшие с красным свитером, надетым поверх голубой пижамы. А его маленькие карие глазки светились злобой. Его голос очень подходил ему.

Ян не ответил.

– Мне неприятно докладывать об этом руководству, – продолжал Майлз, глядя на Яна почти свирепо, – но правила есть правила.

Ян оставался угрожающе неподвижным, избегая смотреть на Майлза.

– Тебе следует следить за временем и больше не опаздывать на занятия.

И тут неожиданно я вступилась за Яна, хотя и не собиралась делать этого.

– Он показывал в коридоре, как управлять креслом, – сказала я.

Эти слова буквально вырвались у меня.

Майлз перевел взгляд на меня:

– Он отвечает за реабилитацию, а не за инвалидные коляски.

– Но он исправлял мою технику.

– Это не его работа, – сказал Майлз. – Верно, чемпион? Не твоя работа.

Ян только стиснул зубы.

Майлз продолжал:

– Не хочу, чтобы люди думали, будто ты не знаешь, в чем состоит твоя работа.

Я попыталась было возразить, но Ян предостерегающе посмотрел на меня.

Майлз явно провоцировал его:

– Я не хочу, чтобы люди думали, будто тебе здесь не место.

Ян молчал. Очень долго.

– Вот и славно поговорили, – сказал наконец Майлз, хлопнув Яна по плечу.

Потом он повернулся ко мне и почти прокричал:

– Если вам нужны еще советы, предлагаю обращаться ко мне. Я всегда здесь, в моем офисе в углу зала.

Я заметила, как Ян сжал пальцы в кулак.

А потом Майлз ткнул в него пальцем и с фальшивым воодушевлением сказал:

– Ну, иди, делай свои чудеса.

Этот тип специально напрашивался на тумаки? Даже *мне* хотелось врезать ему.

– Извините, – сказала я, когда мы с Яном направились в дальний угол зала. – Я пыталась помочь вам.

– Не нужно мне помогать, – покачал головой Ян. – Больше этого не делайте.

Потом он пошел к стопке матов, сделав мне знак следовать за ним. Дойдя до матов, он взял доску и сказал:

– Вы знаете, что нужно делать.

Я прежде не опускала подлокотник своего кресла и замешкалась, пытаясь найти нужную ручку. Все это время Ян пристально смотрел в окно, выпуская нетерпеливые вздохи.

– Если вы так спешите, могли бы помочь мне.

– Я здесь не для того, чтобы все делать за вас. Я здесь для того, чтобы научить вас все делать самой.

– Я не просила вас сделать это за меня. Я просто сказала, что вы могли бы мне помочь.

– В настоящий момент это одно и то же.

Я легко могла представить, как эти слова сказал бы кто-нибудь из других тренеров игривым тоном, но Ян был так же игрив, как покойник. Он был молчалив, напряжен, а теперь, после встречи с Майлзом, был еще и преисполнен враждебности. Я понимала, что она направлена не

на меня, но я все равно была отягчающим обстоятельством в этом столкновении. Все его тело, казалось, излучало злость. Это было видно по его лицу, по его походке, по тому, как он был напряжен. А я, на свою беду, никуда не могла деться от него.

И не успела я подумать об этом, как тренер с косичкой, Роб, испустил торжествующий вопль, когда его пациентка сделала что-то удивительное. Все в комнате зааплодировали.

Кроме Яна.

– Начали, – сказал он.

Я кое-как опустила подлокотник кресла и по доске переползла на маты. Но то, что Ян был нетерпелив, раздражен и отказывался мне помогать, не облегчило задачу. И не ускорило мои движения.

Когда я, наконец, справилась с заданием, я едва могла отдышаться.

Но, не дав мне перевести дух, Ян наклонился, уложил меня на спину и начал производить какие-то манипуляции с моим телом для того, чтобы оценить мое состояние – что я могу делать и чего пока не могу. Он проделывал это без каких-либо предварительных объяснений, и сначала я подумала, что он просто заигрывает со мной. Я подняла голову в тот момент, когда он наклонился надо мной, и угодила лицом прямо в его колючую и небритую мускулистую шею. Я отпрянула, но мне показалось, что между нами проскочила искра.

Этот момент мог быть смешным и немного неловким, и мы могли бы посмеяться над ним. Но Ян вместо этого предпочел сделать его унижительным для меня.

– Лягте на спину, – резко сказал он, указывая на мат, словно уже сотню раз объяснял мне это.

– Хорошо, – пробормотала я, смутившись.

И он принялся выяснять, что я могу делать.

Могу я самостоятельно сесть? (Едва ли. С огромным трудом.) Могу я перевернуться на живот? (Да. Неуклюже, но могу.) Могу я, лежа на спине, согнуть ноги в коленях? (Да, как оказалось, могу. Но мои бедра были очень слабыми и тряслись, как осина.) Могу я сесть на край мата и вытянуть ноги перед собой? (Нет. Совсем не могу.) Могу я лечь на живот и приподнять ноги? (Только чуть-чуть.) Могу я пошевелить пальцами ног? (Нет, нет и нет.) К концу этих испытаний мы уже многое прояснили. Все мое тело выше колен, похоже, работало, хотя и не слишком хорошо. Но ниже колен я ничего не чувствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.